

ТОЛЬКО
ТЁМНОЙ НОЧКОЙ
МОЖНО ПОЗНАТЬ *Рай*

ОН НЕ ТВОЙ

От Ада до Рая

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЕВСЕНИЯ МЕДВЕДЕВА

18+

Евсения Медведева

Он не твой. От Ада до Рая

«Автор»

2023

Медведева Е.

Он не твой. От Ада до Рая / Е. Медведева — «Автор», 2023

Их предали, перемололи, развели по разным концам страны, но судьба любит играть в покер, поэтому они, совершенно чужие и уже взрослые, встретились спустя двадцать лет. Но между ними ненависть, обида и море тайн... Справится ли эта пара с преградами? Хватит ли в них любви, чтобы всё забыть и начать с чистого листа? Я открыл для неё ворота РАЯ, а она утащила меня в АД, дав жизненный урок, что любви не существует. И вот теперь, стоя посреди толпы светского раута, не мог дышать. Смотрел в её дурные чёрные глаза и чувствовал, как испуганно бьётся израненное двадцать лет назад сердце. Понимал, что любовь наша до сих пор жива, только заблудилась на платной трассе от Ада до Рая...

© Медведева Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	31
Глава 9	35
Глава 10	39
Глава 11	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Евсения Медведева

Он не твой. От Ада до Рая

Он не твой. От Рая до Ада...

– Прячься, Ночка!
– Прятаться? Да я ненавижу тебя, Раевский! Ненавижу! Уезжай!
– А вот теперь я точно никуда не уеду!
– Назло? Ты правда думаешь, что можно наплевать на всё, что было, вернуться спустя двадцать лет, сделав вид, что за хлебом выходил?
– Прости, но хлеб я так и не купил.
– Мерзавец ты, Раевский! Читай по губам: НЕНАВИЖУ! Запомнил? А вот теперь пришла твоя очередь убегать! Исчезни...

Я открыл для неё ворота РАЯ, а она утащила меня в АД, дав жизненный урок, что любви не существует. И вот теперь, стоя посреди толпы светского раута, не мог дышать. Смотрел в её дурные чёрные глаза и чувствовал, как испуганно бьётся израненное двадцать лет назад сердце. Понимал, что любовь наша до сих пор жива, только заблудилась на платной трассе от Ада до Рая...

Глава 1

Здравствуй, мой Ад...

Унылые лица... Фальшивые улыбки... Стекланные глаза...

Именно так я и представлял самое громкое событие года, на которое меня притащил друг. Было так много шума вокруг этого дня, все с тихим восторгом ждали открытия галереи современного искусства «Ночь», будто изголодались по шедеврам прибабахнутых творческих личностей. А я не мог сдержать улыбки, наблюдая, как организованные группы с абсолютно идиотскими выражениями лиц рассматривают старый ржавый велосипед с приваренной к нему металлической корзиной из ближайшего супермаркета. Отвернулся, потому что даже знать не хотел, как сие творение называется. И без этого мусора в голове достаточно.

Ведь понимал, что идти не стоит. Но нет! Каратицкий прицепился как банный лист, обещая феерию красивых женщин и море алкоголя... Ну и где это все? Где феерия? Но насчёт алкоголя не обманул.

В самом центре основного зала установили остров бара, слепя знатоков искусства отличным бухлишком. Собственно, сам виноват, Денис Саныч. Доверился? Вот и пожинай плоды, лицезрей пёстрый ковёр однотипных силиконовых кукол, лишенных возможности естественно улыбаться, и слушай заунывные разговоры о вечном – о деньгах. Да у меня скоро чесотка от этого всего начнётся: фонды, инвестиции, прибыль... Бр-р-р-р-р...

– Денис! – пробегающий мимо Каратицкий стукнул меня по плечу, пытаясь увлечь за собой, но я даже и не думал напрягаться, потому что у бара было спокойней, пьяней и безопасней. Подальше от соблазнительных роботов со сканером бабок вместо глаз, да и от искусства тоже достаточно далеко.

Гонял льдинку по резному хрусталию бокала и лениво осматривал толпу, фальшиво восторженно приветствуя проходящих. И если бы эта толпа была незнакомой... Да тут добрая половина моих клиентов! Куда ни плюнь, вспыхивают подробности: разводы, раздел имущества, заказные информационные атаки в СМИ... Какого чёрта им тут надо? Нет, не так. Какого чёрта тут надо МНЕ?

– Раевский, мать твою! Это ты, что ли? Грёбанный ты обаятельный мерзавец, – сильный хлопок по спине выбил меня из жалостливых мыслей, а обернувшись, будучи готовым вмазать

по морде какому-нибудь бесстрашному утырку, обомлел... Передо мной стоял Сашка Кондрашов, одноклассник, с которым мы не виделись почти двадцать лет. – Рай! Рай! Ты что, вернулся?

– Кондра! – заржал я во всё горло, внося смятение в до глубины души интеллигентную часть элиты и с силой обнял сидящего и весьма пузатого здоровяка. – Я думал, что ты крепко в столичной прокуратуре осел!

– Да осел-осел. И только мой геморрой привык к мягкому креслу с шикарным видом из окна, как меня встряхнули и сослали сюда. Вот... Теперь я возглавляю прокуратуру дома. Держит меня земля, не отпускает морская галька, – Кондра осматривал меня, звонко цокая... Ничего не поменялось. – А ты прям... Будто и не стареешь. Только холёный такой стал, бошьшой, как медведь! От баб поди битой отбиваешься?

– Ой, Саш, – махнул бармену, указывая на бутылку вискаря на стеклянной витрине. – А ты всё не меняешься. Только тёлки на уме, да? Песочек сыплется уже, седина ползёт по вискам, «балкон» корешок закрывать скоро начнет, а всё про женщин...

– Чур меня! – друг сел на соседнее кресло, подставил свой пустой бокал, ожидая, пока я сверну горлышко бутылке. – Давно остепенился, говорят, даже поумнел. Немного, поэтому сильно не очаровывайся. Счастлив, женат, трое детей, старший в следующем году в универ поступает. Вот у него да – яйца гудят так, что с первого этажа слышно! Подросток, сам помнишь...

– Ну ты даёшь! Что это за женщина такая святая, сумевшая усмирить твой пыл?

– А это любовь, Рай. Настоящая. Не гибнущая даже через двадцать лет совместной жизни. Классика гармоничных отношений, она пилит – я молчу, я отказываюсь делать ремонт, а она звонит дражайшей свекрови. И так по кругу. Это и есть бесконечность любви, – Сашка усмехнулся и осмотрел меня с любопытством. Было видно, что спросить хочет, но никак не решится. – Ты-то как? Как перевелся из универа на третьем курсе, так и не слышал я о тебе ничего. Как в воду канул, позабыв про друзей детства.

– А я Урал покорял, – наигранно весело подмигнул другу. – И он сдался, Кондра. Как миленький... И доучивался я там, и практику проходил, и контору первую открыл тоже там.

– Сука! Это ты, что ли, тот самый Раевский? Много слышал от коллег, но не думал, что тебя может занести настолько далеко. Ты ж с пелёнок на побережье, морская вода в крови. Помнишь, как мы кормовую кукурузу туристам продавали?

– Ага, – мечтательно протянул я. – На велосипеды копили, юные коммерсанты.

– А как вино у моей бабуськи из погреба тырили, помнишь? Половину сами выпивали, а половину на пляже толкали, – не унимался Сашка. Его прокурорская морда зарумянилась от ярких эпизодов детства. И я только сейчас понял, что давным-давно не ворошил память. Сколько же лет прошло!

– Конечно, помню. И обезьянник, который нам обеспечил твой дядя Гриша, тоже помню.

– Даааа... Знатно нам тогда попало. Но дядя Гриня говорил, что это воспитательное мероприятие. Обманул, сука! Мне отец ремнем так задницу отходил тогда... До сих пор фантомные боли мучают. Женат?

Сашка так внезапно сменил тему, что аж сам опешил. Поблекшие серые глаза сузились, он будто приготовился к возможному отпору.

– Был, но ты, очевидно, урвал последнюю святую женщину, – усмехнулся и опустошил бокал. – Не вытерпела Лизка моего темпа жизни, командировок и незатыкающегося даже во время секса телефона. Детей нет, так сказать, заядлый холостяк.

– Сам дурак, надо было не брать трубку, – заржал Сашка и стал рыскать взглядом в толпе. – Я сейчас тебя со своей Алькой познакомлю, она знает, что делать с моими яйцами, когда звонит телефон во время супружеского долга. Ты даже не представляешь, сколько у неё одиноких подруг! Мы вмиг тебе святошу подберем!

– Прекрати, Сань. Не надо мне никого искать, я ещё не уверен, что осяду тут. Так, приехал на разведку за компанию, – кивнул в сторону веселящегося у сцены Каратицкого. Сука... Костя уже успел склеить двух сисястых тёлок, что так откровенно тёрлись то ли о его пах, то ли о портмоне в переднем кармане джинсов. Ладно... Там дубль, им и то, и другое подавай.

– Ого! И Каратицкого, очевидно, добровольно-принудительно в родные земли потянуло? – Кондрашов заржал конём, наблюдая за танцами дикого бабуина в лице единственного сына мэра нашего родного города. – Говорят, папенька всерьёз решил посадить сынка в свое кресло?

– А ты знаешь, я не вижу в этом ничего страшного. Да и последние лет десять кроме Каратика-старшего что-то никто не выстроился в очередь за третьим инфарктом, что идёт в подарок к его креслу, – достал телефон, украдкой снимая веселье друга, и отправил в чат, чтобы и Вьюга с Горозией поржали над предсмертными судорогами Кости.

– Ладно, я слишком трезв, чтобы говорить о политике. А с женой я просто обязан тебя познакомить! Так, сиди тут, быстро найду Алё и вернусь, – Сашка скрылся в толпе, оставляя меня вновь в полном одиночестве.

Открытие галереи современного искусства подобного масштаба было громким событием, особенно когда это делается без федерального вливания. Слышал, что какой-то хрен с горы купил игрушку своей красавице невесте. Раньше дарили украшения, квартиры или цветы, на худой конец, а сейчас масштабы сильно изменились. Мы прям галереи готовы дарить... Подожду, когда Третьяковку кому-нибудь втюхают... А может, уже?

Растерянно скользил по толпе полупьяным взглядом, сам не понимая, что ищу.

Но вдруг сердце ускорило свой бег... Кровь вскипела, забурлила по венам, в горле пересохло... Глаза замерли на фуршетном столике в другом конце зала. Высокий блондин галантно приобнимал свою спутницу, откровенно скользя пальцами в глубоком вырезе на её спине.

Но это был не просто вырез... Это была моя смерть!

Я тонул, наивно хватаясь за соломинку, сам не понимая, что происходит... Дыхание обрывалось, зато каменным членом уже можно было сваи заколачивать, я бы все равно не почувствовал.

Шелковые ленты спускались с плеч незнакомки волнующейся бахромой, путались в золотых цепях, тянущихся через весь вырез платья на спине. Сверкающие прутья сплетались в огромную тяжелую паутину, так ласково касаясь холодными звеньями её золотистой, обласканной южным солнцем кожи...

Видел, как девушка ёжится, как по спине мимолетно пробегает волна мурашек, как перекачиваются её мышцы. Она медленно покачивала бёдрами в такт современной музыке и лишь кивала, когда к ней обращался мужчина. Ей было скучно, и даже несколько метров, разделяющих нас, не могли этого скрыть.

Не знаю, сколько я вот так смотрел на неё, скользя от затылка до обтянутой шёлком задницы, но вдруг девушка вздрогнула и остановила соблазнительный танец бедер...

Замер и я... Будто маятник остановился. Было заметно, как она вытянулась в струну, слегка обернулась и застыла ледяной статуей, будто бы не решаясь развернуться всем телом. Секунды летели, а у меня внутри все вымерло... Моя крыша на хрен сорвалась с петель и помчалась по серпантину с горы, оглушая безумным свистом отказавших тормозов.

Всё... Сорвало стоп-кран. Тушите свет, мы приехали...

Девушка вдруг так соблазнительно взмахнула головой, словно сбрасывала наваждение, и рассыпала копну чёрных, как августовская ночь, волос, скрывая от меня открытую спину.

Я словно это уже видел... Комикс прошедшей жизни замелькал перед глазами, вспыхивая пеплом прошлого. И лишь когда добрался до самой дальней полки, тома воспоминаний на которой были покрыты толстым слоем пыли, зашипел. Во мне всё взорвалось, эмоции потоком горной реки ринулись по венам, сметая благоразумие и выдержку.

– Нет, бля... – прохрипел, вскакивая с барного стула как ужаленный. Толпа растворилась, время остановилось, смотрел лишь на неё, пытаюсь заставить себя дышать. Это она? Не может быть! – Ночка...

– Короче, Алька пропала куда-то. Опять, наверное, лясы точит со своими подружками. Можно подумать, новое что-то появилось, – голос Сашки Кондрашова вернул меня на землю. – Но ничего, найдется, когда придет проверять, с кем я застрял у бара.

Сашка не сразу понял, куда я смотрю... Зато потом закашлялся и сел на стул, наполняя бокалы. Он аккуратно похлопал меня по плечу и подтянул к барной стойке, чтобы я не мешал потоку людей, снующих туда-сюда.

– Я думал, что ты знаешь.

– Знаю что?

– Это её галерея, Денис...

Глава 2

Только тёмной ночью можно познать РАЙ...

Сказать, что меня потряхивало – ничего не сказать. Тело будто добровольно уселось на электрический стул, упиваясь болезненными содроганиями мышц. Кровь вскипала, дыхание то приходило в норму, то пускалось в спешный бег навстречу обрывочным воспоминаниям.

Это она... Она здесь? И давно?

– Ночка... – на выдохе произнёс я то, что уже почти двадцать лет больничей занозой замерло на самом кончике языка.

Это ласковое прозвище, придуманное мной, наждачной бумагой скользило по сердцу, срывая броню, которой я оброс за все эти годы. Внутри всё кровоточило, выпуская всю боль, обиду, гнев.... А мозг подыгрывал этому безумию и швырял в меня яркими воспоминаниями прошлого. Там мы были молоды, бессмертны и ещё верили любовь. Романтика висела в воздухе: закаты, звездное небо и луна, отражающаяся в беспокойном море.

– Если хочешь, могу рассказать, – Сашка вручил мне ещё один стакан. Опрокинул, даже не поморщившись. Моё тело переставало воспринимать алкоголь, когда уровень адреналина зашкаливал. Точно... Это всё адреналин, поэтому меня так колошматит. Тогда почему немеют руки? Почему так хочется подойти и увидеть её глаза? Вспомнит? Узнает?

– Познакомь, – выдохнул я.

– Стой, Рай! Зачем? Ну подумай сам, сколько лет прошло! – Сашка пытался остановить меня, но это было невозможно.

Я шёл сквозь толпу, расталкивая со своего пути всех и вся. Следил за рукой этого блондина, тянущейся к её талии. Его толстые сосиски пальцев откинули шёлк волос, погружаясь в золотистую паутину, прикрывающую обнажённую спину.

– Кондра, ты либо помогай, либо не мешай!

– Чёрт с тобой, Рай, – хохотнул друг, догоняя меня. Дернул головой, смерив вопросительным взглядом, и издали громко затынул. – Георгий Леонидович... Какие люди в нашей деревне!

До неё оставалось всего два шага... Всего два.... А я до сих пор дышал, как загнанный зверь. Прожигал взглядом её затылок, мысленно призывая обернуться. Мне нужны были её глаза, глубокие, чёрные, как самая адская ночка.

– Александр, – блондин напыщенно склонил голову и протянул Кондре руку. – Какая же это деревня? Сочи давно уже превратился из курортного центра в деловой. Хочешь поднять бабла – приезжай сюда и начинай дружить с нужными людьми. Всё просто. А органика курортной болтливости сделает всё за тебя сама.

– Это точно, – Сашка чуть оттолкнул меня и первым подошел к столику. – Разрешите представить. Мой школьный друг...

Дальше он что-то говорил... Смеялся и размахивал рукой, вовлекая блондина в разговор, чтобы дать нам двоим время прийти в себя.

Ночка всё поняла... Ей не нужно было слышать моё имя, мой голос. Она словно ощутила моё присутствие кожей. Вновь напряглась, приосанилась и медленно повернула голову. Мои шаги были бесконечными...

Этот метр между нами я преодолевал вечность. Рассматривал всё тот же точеный профиль, островатый нос, резкие скулы и от природы пышные и чуть вздёрнутые губы. А когда она подняла густые ресницы, приоткрывая свою соблазнительную тьму глаз... Я полетел напрямиком в ад. Отправился туда без права на реабилитацию.

Ну здравствуй, мой АД... Это она... Огромные черные, как ночь, глаза были полны грусти и... безразличия. В них больше не было пламени, не было танца чертей, не было страсти... Там залегла толща льда. Мне хватило и быстрого взгляда из-под ресниц, чтобы застыть от исходящего от неё холода. Она снисходительно скривилась, попытавшись выдавить дежурную улыбку, и вновь отвернулась, чтобы припасть губами к запотевшему бокалу шампанского, словно её давно мучила жажда.

– Раевский Денис Александрович, – Кондра похлопал меня по плечу, вроде и по-дружески, но достаточно сильно, чтобы привести в чувства. – Гроза всех судебных тяжб, головная боль прокуроров и любимчик судей.

– О! Раевский, – блондинчик даже не обращал внимания на Ночку, чуть оттолкнул её, чтобы протянуть мне руку. А я был так зол от этого его пренебрежительного жеста, оттого и переборщил с рукопожатием. На холёном лице мужчины отразилось удивление, а Саня наступил мне на ногу под столом, когда понял, почему этот придурок морщится, уродуя напомаженное лицо. – А Александр Раевский вам случайно не родственник?

– Ещё какой, – рассмеялся Кондра и махнул официанту, чтобы принёс наши бокалы.

– Дальний. Всего лишь отец, – я отпустил руку блондина и тоже рассмеялся.

– Георгий Ляшко, – блондин отрепетированным жестом взмахнул своей шевелюрой, когда понял, что наше знакомство может быть ему полезным. Сука продажная... – Очень приятно. Слышал, ваш отец ушел на покой?

– Его давно уже ушли. Молодое поколение все пятки пообступало. Но это нормально. Всем нам приходится рано или поздно уходить, забывая счастливые деньки прошлого, – я с благодарностью сжал ледяной бокал. – Прекрасный вечер. И галерея просто отменная. Вашей жены, да?

– Ну, до жены нам ещё далеко, – мужчина наконец-то спохватился и решил всё же включить джентльмена. Дежурно приобнял свою спутницу, звонко чмокнул в висок и чуть развернул к нам лицом, как куклу безвольную. – Адель Ночкина, виновница сего помпезного мероприятия. Это её детище, на которое ушло два года жизни, вагон нервов и океан денег. Кстати, мы до сих пор рады спонсорам.

– Ну, не все в нашем мире меряется деньгами. Денис Раевский, – я подхватил её трясущиеся пальчики и поднёс к губам. Ладонь её была влажной, кисть напряжена, но стоило мне пройти мизинцем по нежной коже запястья, как она расслабилась и позволила себя поцеловать. – Очень приятно.

– Взаимно, – она снова скривилась в неестественной улыбке и отвернулась к окну с видом на ночное море.

– Какими судьбами? – Ляшко был воодушевлен знакомством, оперся локтями о круглый высокий стол, не сводя с меня своего пороссячьего взгляда крошечных глаз, обрамленных выгоревшими ресницами.

Взгляд его был въедливым, хитрым, колючим. Знал я таких... И не любил. Твари продажные. Дружат, пока выгодно, а потом ты остаешься на обочине, наблюдая, как они отъезжают, не желая делить с тобой трудности. Таким людям хорошо, когда сытно, тепло и спокойно, а в

обратном случае... Они просто ищут другую рыбку, к которой можно прицепиться в поисках пропитания.

– В родные пенаты потянуло, – напряжение спало, и я уже мог нормально мыслить. Во всяком случае, мне так казалось. – Приехал открывать здесь филиал, а то эти командировки сильно выматывают.

– Да, – Ляшко закивал и подхватил с подноса шампанское только для себя, униЗИТЕЛЬНО проигнорировав Ночку, крутящую за ножку пустой бокал. – Мы уже не в том возрасте, чтобы жить на высоте десять тысяч над землей. Это всё так утомительно. А меня вот тянет в Европу. Там цивилизация, культура и чистота...

– Да? А мне мама всегда говорила, что чисто не там, где убирают, а там, где не мусорят, – я развернулся, ища глазами официанта. Молодой парниша всё понял без слов и подбежал ко мне, протягивая бокал. – Собственно, с культурой, образованностью и прочим всё по аналогии.

– Да здесь что ни построй, завтра же все подьезды будут исписаны! – вскипел Ляшко, явно несогласный с моими словами. Обиделся... Хм... Обожаю таких напыщенных дураков. С ними всегда весело. Они, как обезьяны на арене цирка, все в красивом, блестящем, выдрессированы, но все ещё дикие, готовые за банан вертеться в колесе весь день.

– Так нужно всего лишь научить своих детей любить место, в котором они выросли. Гордиться им, уважать. А не смотреть туда, где уже все этому научены. Можете приводить тысячу доводов, но я останусь стоять на своём. Мы сами научили не беречь, не ценить, ходить на работу, как на каторгу... Оттого и пожинаем плоды.

– Денис, а у вас есть дети? – Ляшко сощурился, наблюдая, как я меняю его даме бокал. – И что же вы тогда так долго не появлялись в родных пенатах?

– Сильно ценю малую родину, – я пожал плечами и рассмеялся. – Расписывал подьезды в другом месте.

– О... Вот об этом я и говорю! – вспыхнул блондин. По его лицу стали расплываться красные пятна гнева. Черт... Как элементарно вывести его из состояния фальшивого равновесия. Просто другой вопрос – на кой мне это надо?

– Кстати, Георгий, – Кондра усмехнулся и стал крутить головой. – Вы уже видели Парфёнова? Он тут с супругой...

– Здесь? Я слышал, что он не прочь стать совладельцем! Это сильно минимизирует мои затраты, – блондин уже забыл и о споре, и о своей спутнице... Бросился в толпу, подгоняемый Кондрашовым, уводящим его подальше от нас. Друг махнул мне кулаком и кивнул на часы, намекая, что времени у меня в обрез.

– А ты раньше была более разговорчива, – я медленно обошел столик, чтобы оказаться напротив Ночки.

– А ты всё так же борз, бестактен и дерзок, – Ночка выдохнула, опустила голову, словно всё это время держала осанку, а сейчас смогла расслабиться.

– Ничего не меняется, – осмотрел толпу, пытаюсь понять, насколько далеко увел блондина Саня. – Но всегда есть исключение.

– Ты на что-то намекаешь? – она гордо вскинула голову и так смело посмотрела на меня, топя в своей холодной печали.

А когда-то её глаза искрились радостью, счастьем и бесконечным весельем. Эта девочка, вечно таскающая за спиной маленький мольберт, бумагу и кисточки, могла на пустом месте сотворить праздник. Она сама была праздником... Феерией эмоций, настоящих, неподдельных. А теперь? Теперь передо мной стояла коварно-прекрасная женщина... С грустной тайной в красивых глазах.

– Ты изменилась, – глотнул обжигающего пойла и отчаянно закрутил головой, чтобы вывести Ночку на свежий воздух.

– А ты, очевидно, закурил? – она тоже осмотрелась и двинулась в сторону сдвижных стеклянных дверей, ведущих на просторную террасу.

Я, как ненормальный, ловил её движения, в каждом её шаге было столько соблазнов... Понимал, что делает она это специально, потому что женщина... Они никогда не простят расставания, вечно вылезая из кожи вон, лишь бы доказать, что ты полный урод, сделавший неправильный выбор. Вот только у нас ситуация другая...

Это она сбежала от меня! Она ушла, бросив меня тухнуть со своей мальчишеской любовью, которая уже была никому не нужна. Тогда для чего она старается? Для чего тычет меня носом в свое безукоризненное великолепие?

Мы вышли на террасу, не сговариваясь встали у самого темного уголка, скрытого кадушками с разлапистыми пальмами, и молча закурили... Она сжимала пальчиками черный мундштук, лишь изредка вдыхая сладкий дым своих сигарет, и смотрела вдаль, где луна ласково поглаживала море.

– Зачем? Зачем ты подошёл? – она стиснула зубы и буквально выдавила из себя этот вопрос.

– Мы взрослые люди, Ада, и вполне способны переступить то, что было в детстве, и идти дальше. Да и не простил бы я себя, если б не подошёл...

– Ты опять про себя! – взвыла она, выкинул сигарету в урну и залпом осушила бокал. – Мир не кружится вокруг тебя, Раевский! Помимо твоих чувств есть ещё и другие!

– Ляшко? – усмехнулся, делая шаг в её сторону. – Ты о его чувствах заботишься?

– Ты наглый, самолюбивый болван! И лучше бы тебе было не возвращаться! Уезжай, я умоляю тебя, уезжай... иначе всё будет очень плохо.

– Это угроза?

– Это обещание, Денис. Там, где ты, всегда хаос и разруха!

– Раньше ты не называла меня по имени.

– Раньше ты не возвращался, чтобы разрушить мою жизнь, Рай...

– От Ада до Рая... – прошептал я за мгновение до того, как со всей силы потянул её на себя.

Девушка не ожидала такого выпада, качнулась на высоких каблуках и буквально упала мне в руки. Сам не понимал, что творю... Просто действовал по наитию, понимая, что отчасти она права. Мне плевать на её чувства, и уж тем более мне плевать на расстройство её блондина. Мне хотелось вновь вспомнить аромат её кожи, впитавший приторность масляных красок, акварели и сухость угля, которыми она делал наброски. Где та девочка?

Прижался носом к скуле и медленно вел вниз, пока не почувствовал на лице рваные выдохи. Нежность её кожи сводила с ума. Лишался рассудка, сжимал, пытаюсь насытиться ею сполна. Она как мираж... Видение... В любой момент может раствориться и забрать с собой твоё спокойствие. Ночка...

– От Рая до Ада... – выдохнула она, но договорить не успела, потому что я накрыл её губы своими. С силой развел их языком, толкаясь вглубь...

Это было потребностью. Необходимостью. На языке вспыхивали знакомые вкусы. Казалось, что наш последний поцелуй был только вчера. Всё помнил, будто и не разделяла нас ненависть и десятки прожитых лет. Она и ощущалась в руках, как раньше: тонкая, хрупкая, родная. Сладкая, дурманящая, как теплый мёд... От её касаний невозможно отмыться... Она липкой ароматной субстанцией покрывала каждый миллиметр обмороженной души, согревала, отравляла. С каждым вдохом проникала в кровь, дурманила и будила спящую зависимость.

– Я ненавижу тебя... – прошептала она, откидывая голову. Я задышался, покрывая поцелуями длинную шею, прикусывал кожу, вбирал ритм пульсирующих вен. – Ненавижу! Уезжай!

– А вот теперь я точно никуда не уеду, Ночка...

– Назло? Да? Ты правда думаешь, что можно наплевать на бесконечность между нами и просто вернуться спустя двадцать лет и сделать вид, что за хлебом уходил?

– Прости, но хлеб я так и не купил.

– Мерзавец! – шикнула она и как-то странно дёрнулась.

Я даже не сразу понял, что она задумала, но времени у меня не было. Жгучая, пронзительная боль ошпарила щёку от её внезапной пощёчины, заставляя очнуться. Смотрел в её лютый взгляд, обжигался о ласковые языки пробуждающегося пламени и тихо смеялся.

Жива моя девочка... просто спит. Но я здесь. Твой Рай уже здесь...

– Мерзавец ты, Раевский! Читай по губам и внимай: НЕНАВИЖУ! Запомнил? А вот теперь исчезни с моего пути и больше никогда не попадайся...

Глава 3

– Хорошо устроился, – Сашка осматривал просторную террасу с видом на море.

– Да не устроился я, Кондра. Сам впервые вижу этот, как выразился Каратицкий, уголок Рая... С самолета прямиком на бал попал, – дом стоял почти на самом обрыве скалы, щедро одаривая ощущением свободного полёта.

Ровный ковёр стриженного газона утекал в бесконечность, бликуя лишь теплыми лучами подсветки, тянувшейся по ветвям фруктовых деревьев. Весна уже основательно обжила на юге, а дома ещё местами лежал снег.

Каратик не соврал. Новый посёлок и правда был вполне интересным. Необычным, что ли... Здесь не было высоких заборов, в душном унынии которых ты вынужден медленно задыхаться.

Тут безграничный, опьяняющий простор...

Хаотично разбросанные участки разделялись густыми зарослями плодовых деревьев, меж которых растворялась сетка номинального ограждения. Домики были одноэтажными, объёмы белоснежной круговой верандой и прижатыми к земле плоской крышей, чтобы никто не смел воровать свободу чистого южного неба.

И даже пришлось констатировать, что мне здесь определённо нравилось. Не потому что красиво, модно и престижно. А потому что дышалось... Кстати, соседних домов тоже не было видно. Они словно растворились в буйной зелени крон, создавая ощущение единения с природой.

Каратицкий редко пользовался служебным положением, но для сына и его друзей расстарался на славу. Город застраивался с такой скоростью, что даже отсюда до центра практически рукой подать, причем не по горному серпантину, а по современной скоростной трассе.

– Только Альке не говори, что удалось вырвать здесь гнёздышко, а то она остатки моей крови высосет, – Саня заглядывал в темные окна дома, пытаясь рассмотреть планировку. – Ну так ты остаешься или как? Рассчитывать на тебя?

– А что? Есть предложение? – я не мог оторвать взгляда от серебристой ряби моря.

– Ты, наверное, не помнишь, но у меня завтра день рождения. Юбилей, Раевский... Сорочет подкрался незаметно, – прохрипел он, махнув своему водителю. – Но ты сильно не скалься, сам там будешь.

– Даже не думал, – скинул пиджак, от которого просто невыносимо сильно пахло её парфюмом.

Этот запах дурманил, пьянил и заставлял вновь и вновь проживать то мгновение. А ведь хорошо было... Поистине хорошо. Как физически, так и эмоционально. Словно в кротовую нору провалился, где все было как раньше. Я, она и крышесносные поцелуи под луной.

– Тогда ты приедешь? Да? – Кондрашов смотрел в глаза с такой надеждой, что смешно стало. Мой друг...

Мой старый добрый Кондра. Я тогда многих оставил... Просто перелистнул страницу своей жизни. Было больно, тоскливо и мучительно. А когда спустя годы я так или иначе стал-кивался с друзьями детства, они все пренебрежительно фыркали, демонстрируя жгучую обиду за мой поступок. Но Сашка не стал... Он восторженно и абсолютно искренне радовался нашей встрече и под кожу не лез, потому что знал, что там либо до сих пор гноится боль, либо уже давно поросло мхом.

– Приеду, Сань. Что подарить? Краску для волос или вагон ректальных свечей от геморроя?

– Пожалуй, выберу второе, а то разориться можно, – заржал он и обнял меня. – Хочешь совет?

– А если не хочу?

– Тогда я тем более дам его тебе, – Кондра закурил и сел в ротанговое кресло. – Я не знаю, что у вас произошло, Денис, но прошло слишком много времени, чтобы пытаться реанимировать то, что мертво. Срок исковой давности давно истёк, брат.

– А ты считаешь, что оно мертво? – усмехнулся и допил остатки вискаря прямо из горлышка бутылки, унесенной со светского раута. – Что-то я не заметил.

– Ляшко – это известный трехголовый Горыныч, Рай. Он своей хитростью и мягкой силой умудрился залезть во все сферы бизнеса, поэтому у него слишком много знакомств, слишком много возможностей. Он хитрожопый жук, понимаешь? А ты человек новый, поэтому просто будь осторожен.

– Заботливый какой ты стал. А ещё говорят, что в прокуратуре у нас бездушные сухари батрачат, – я чуть склонился к другу, чтобы в глаза мне посмотрел. Чтобы вспомнил, что осторожность и я – понятия несовместимые, так сказать, конфликтующие. – Но ты меня тоже не знаешь, Кондра! Я плюшевость и мягкость сбросил, как сезонную шерсть, поэтому это ещё кому режим осторожности пора врубить.

– В том-то и дело, Рай. Мне кажется, что ты сам себя плохо знаешь, – Кондрашов встал, поправил пиджак, затянул галстук, явно собираясь с мыслями. – Но ты всё равно мой друг и можешь рассчитывать на меня.

– С прокурорским благословением?

– Можешь гоготать сколько угодно, но мир другой. Рай, ты даже не представляешь, насколько изменился город! Здесь правят бабки и власть. Нет того или другого, считай, что ты ничтожество. А вот если у тебя дубль, то можешь быть смел и спокоен, ты в безопасности.

– Значит, будем обрастать властью. Ну? Поможешь старому другу короноваться?

– Помогу, конечно. Но чем?

– Для начала найди мне хорошее помещение для офиса, – это решение было стихийным, внезапным. Да, я думал об этом, но не сейчас. Я так устал, последний год просто выжал меня до последней капли, и приехал я только для того, чтобы попробовать выдохнуть. И как-то плохо начался мой отдых... Очень плохо. С переезда, мать твою!

– Ты уверен?

– Как никогда. Чуйка у меня сильная, братец, – а вот это было чистой правдой. Интуиция у меня похлеще, чем у любой бабы. И вот сейчас я всем нутром чувствую, что уезжать никак нельзя...

– Чёрт с тобой, Рай... – вновь повторил он шутку нашего детства, наспех обнял и быстрым шагом направился к парковке. – Завтра в восемь часов вечера. Геолокацию я скину. И только попробуй не явиться!

Автомобиль отъехал, унося с собой неон фар, и территория стала ещё прекрасней. Густой солёный воздух затрещал воплями цикад, затягивая меня в уютное прошлое. Но я отчаянно тому сопротивлялся, потому что Кондрашов был прав. Нет смысла возрождать к жизни то, что давно вымерло. Не найду я ту девчонку с перепачканным сладкой краской лицом. Не найду...

Перед глазами вновь вспыхнул её силуэт с соблазнительными формами, лицо, дерзкий колкий взгляд и снисходительная улыбка. Она будто одолжение мне делала! Всем видом показывала, что я – тёмное пятно в её жизни. И дело не в том, что она уже не та... Дело в том, что она МЕНЯ уже давным-давно похоронила.

– Ночка... – выдохнул я, смотря в чёрное звездное небо. – Время покажет, кто мёртв.

Открыл дверь дома, включил свет, рассмеявшись от всей души... Сука, Каратицкий...

Планировка была простой, но максимально продуманной, чтобы не терять ни сантиметра полезной площади. Просторная гостиная, совмещенная со светлой кухней, длинный коридор, делящий дом на два крыла: гостевое и хозяйское. Костя так рьяно пытался уговорить меня остаться здесь, что даже позаботился о мебели. Скромно, но самые основные потребности он закрыл, падла хитрая. Толкнул первую дверь по коридору и присвистнул. В центре комнаты стояла кровать, обращенная мягким изголовьем к панорамному окну, в котором скоро разольётся рассвет.

Я быстро разделся, рухнул в кровать, укрылся пледом, решив не возиться с поиском постельного белья. Был уверен, что не засну, готовился морально к бесконечной ночи, наполненной воспоминаниями этого странного вечера. Но даже не заметил, как вырубился, забыв и про телефон, и про ноутбук с извечной тупой перепиской.

Ночка...

Глава 4

Я подарю тебе, Ночка, все рассветы этого мира...

Новый день пошёл сразу не по плану. Никакого тебе ленивого утра с видом на рассвет за чашечкой кофе, ни философских мыслей, и уж тем более тишины.

Проснулся я от громкого топота, вскочил и, открыв дверь, мгновенно впечатался в Костю. Этот лохотный ловелас сжимал в руке бумажный пакет с фастфудом и подставку с картонными стаканчиками кофе.

– Тройной американо! – рассмеялся он, пытаясь увернуться от оплеухи. – Как спалось? Скажи, воздух здесь абсолютно волшебный! Приснилась невеста жениху?

– Отвали, Рай! Какого хера тогда тебе не спится в этом волшебном воздухе?

Каратик осмотрел спальню, поочередно толкнул двери, оценивая и гардеробную, и стильную ванную комнату.

– Дом хоть и меблирован, но кофемашины здесь точно нет, – Костя присвистнул, махнув вглубь дома. – Я тут привёл кое-кого.

– Кого? – скинул боксеры и встал под душ, наслаждаясь прохладой воды.

– Раюша... – сладко протянула Верка Вьюник, так игриво заглядывающая в ванную. – Здравствуй, дорогой мой.

– О! Тяжелая артиллерия подоспела, – отвернулся на всякий случай, с ВДВшниками мне точно сейчас разборку не потянуть.

Верка была младшей сестрой Вадика, максимально любимой, долгожданной, а поэтому и крайне своенравной, даже взбалмошной. Нет, она не безголовая шелупонь с доступом к папочкиному счету. И даже не нимфоманка под кислотой, что все чаще встречалось у современной молодежи. Она просто отчаянно пыталась найти свое дело, чтобы жить не по указке и чужим правилам, а по велению души. И порой сильно перебарщивала с напором. Но это было простительно. Молодость... Это мы уже в сухарей прожжённых превратились, гребём по кровью добытой дорожке, не замечаем мира вокруг. А она другая.

– Мне прям сейчас Вадика набрать и сказать, что ты пилишься на голых мужиков? Или после завтрака?

– Да что я там увидеть-то успела? Костя, ну скажи ему... Только попку красивую рассматривала, и всего-то!

– Не плачь, Верка, – Каратик обнял её и утянул из спальни от греха подальше. – Мы ждем тебя на кухне.

– Ябеда!

– Наконец-то...

Когда с утренними процедурами было покончено, я оперся о каменную столешницу раковины и уставился на собственное отражение в зеркале. Что видел?

Азарт...

В глазах было столько азарта, что становилось страшно.

Видел ли я раньше подобное?

Нет.

Не штырило меня так ни когда я ловко выкурил всех конкурентов из города, ни когда выиграл первое громкое дело, и уже тем более когда женился. Но и это все благодаря ЕЙ!

Я после немого, беспричинного расставания, а вернее, её побега, был зол настолько, что на этом напряжении долетел и до пятого курса, и до практики у самого Тухманова! Моя внутренняя пружина ярости, обиды и невзаимной любви толкала меня вперёд, к новым победам, лишь бы просто доказать, что чего-то стою. Что я не просто сын того самого Раевского, а он – отец того самого Раевского. Получилось или нет – время покажет, конечно. Но я уж точно не один из. Но все получилось только потому, что тем августовским днём моя Ночка растворилась из моей жизни, не оставив ничего кроме старого фото, на котором мы были счастливы.

Да, не штырило. Да, не коротило меня после неё так ни разу! А вот сейчас чувствовал дикое возбуждение. Казалось, если просто поднести спичку – вспыхну, к чертям собачьим. Вот только одному не хотелось... Нееет, Ночка. Вместе сгорим.

Хоть совет Кондра был и непрошенным, но здравый смысл в нём был. Для чего мне это? Чтобы было, блядь!

Я закутался в халат и вышел, наткнувшись на свою дорожную сумку, которую вчера после самолёта оставил в машине у Каратицкого. Прекрасно... Надел футболку, джинсы и распахнул двери на террасу.

В прохладу комнатного воздуха ворвалось сухое пекло с запахом моря. Расправил легкие, вдохнул и осмотрел шикарный вид, открывающийся из окна спальни. И правда хорошо здесь. Тихо и спокойно. Не обуваясь, обошел веранду вокруг.

– Мы тут, Раюша! – Верка с Костей сидели прямо на ступенях и пили кофе, лопаая бургеры. – Ты ещё зол?

– Есть немного. Вадик знает, что ты здесь?

– Неа, – упрямо махнула головой Вера. – Я ушла из дома.

– Здрасьте-Настя, – захрипел Каратик. – Ты сказала, что всё согласовано! Под плаху решила меня загнать? Знаешь, что со мной сделают твои братья?

– Кокосики открутят, и все, – Вера хохотала, даже не думая играть в сожаление. Пофиг ей было... Зараза!

– Костя, блядь, ты же давно её знаешь, пора бы уже привыкнуть, что её словам, конечно, верить можно, но делить на сто! Ну всё... Вадик нас убьет!

– Некогда вашему Вадику. У него головушка своими проблемами забита, – хохотала Вера. – А меня мамочка отпустила, кстати, под вашу ответственность. Вы же мне как братья, мальчишки. Моя наивная и добренькая мамочка до сих пор надеется, что раз я закрыла сессию, то останусь учиться в медицинском, поэтому и позволила мне отдохнуть летом.

– Ну, а у тебя на этот счёт другое мнение, естественно?

– Конечно, – девчонка рухнула спиной на дерево веранды и подставила солнцу свою хитрую мордочку. – Костя, ну расскажи ему!

– Короче, это всё Верка. – Костя махнул в сторону открытой двери в гостиную. – Я ей разрешил сделать дизайн-проект наших домов. Потренировалась на этом объекте, теперь вот мучает мой.

– Ну, неплохо, – я обернулся, осматривая современное помещение, в котором не было ничего лишнего. Все по делу, без ненужной помпезности, но и флёра стерильной гостиницы тоже не было. Гармония уюта, мужского помещения и современной сдержанности.

– И если ты решил остаться, то Вера поможет тебе обжиться. Поверь, мужчинам это совершенно не под силу.

– Ладно, Вер, – я махнул рукой, понимая, что эти двое уже не отцепятся. – Только кофемашину купить не забудь. Сегодня!

– Любой каприз за ваши деньги, – прошептала Вьюник, захлопала длинными ресницами и так нагло сунула свою ладонь мне под нос.

– Всем нужны только деньги...

– Кстати! – подорвался Костя. – Ты в офис не забудь заехать, там тоже надо денежку занести за дом. Так и быть, со скидкой.

– Ну и меркантильный же ты. Мне нужна тачка, Кость. Есть свободные колёса?

– Дай пять! – рассмеялась Верка, протягивая руку Косте. – Ты оказался прав.

– И в чём же?

– Каратик сказал, что если Рай попросит колёса, то можно выходить на сделку. Остаёмся! Ура!

Эта зараза не отпустила меня, пока мы не прошлись по всему дому. Она скрупулёзно записывала мои замечания и пожелания, потом с придыханием забрала мою банковскую карту с ПИН-кодом, впрыгнула в арендованный «жучок» и умчалась сорить баблом, но перед этим послушно написала сообщения брату и отцу, чтобы знали, что их безрассудная сестра и дочь жива и здорова. Ой... Аукнется мне моя слабость. Точно аукнется...

Вадик, как только прочитал сообщение, мгновенно набрал меня, сначала проорался, потом выдохнул, успокоился.

– Где живёт-то? – выдавил он, понимая, что если уж семья не может справиться с этой девчонкой, то нам и подавно нечего ловить. Костя, когда понял, что буря стихла, перехватил телефон и поставил на громкую связь.

– Как где? В твоём доме, ну не с Раевским же. Вадь, ну приезжай! Отец сказал, если мы за неделю не решим эти вопросы, то он даст отмашку выставлять на продажу, – Костя курил, пуская кольца дыма в небо. – Либо просто дай денег, а то твоя сестра растрясла меня, как липку, а теперь и за Раевского взялась.

– Ой, не прибедряйся, самый нищий владелец ресторанов, – рявкнул Вадик. – Ладно, в пятницу буду.

– Так, мне тоже пора, – я посмотрел на часы, замершие на полудне. – Есть варианты насчет офиса?

– Там Кондрашов суетится вовсю. Уже с утра мне писал. Связи поднимает, сам же знаешь, что здесь без этого никак. Все квадратные метры уже кому-то да обещаны, – Костя порылся в карманах драных джинсов, а потом швырнул в меня брелком от тачки. – Белая – твоя.

– Чёрт! Номер его забыл взять... – но не успел я договорить, как телефон ожил, радуя номером местного оператора. – Сам нашёлся, прокурорчик...

Я прыгнул в тачку и покатил вдоль берега моря, сам того не понимая, почему радуюсь пеклу, будто оно могло стереть аромат и сладость её губ.

– Адель... Адель... Кто же ты? Где была? Мой персональный АД...

Глава 5

Пьянее реальности может быть только любовь...

Двадцатилетней выдержки...

РАЙ...

Кондрашов расстарался на славу. С чувством выполненного долга встретил меня в центре города. Здоровяк насмешливо приспустил на переносице солнечные очки и гордо махнул рукой на сверкающее здание торгового центра, будто всю ночь строил своими руками.

– С новым годом жизни тебя, что ли, – я обнял Санька, со всей дури хлопнул по спине, слушая треск позвонков, и закурил, присаживаясь на капот его тачки. – Что ручищами машешь, будто даришь от всей широкой прокурорской душеньки?

Расположение было просто идеальное. Максимальная близость к транспортным развязкам, шикарная платная парковка, да и проходимость на высшем уровне. Опытным взглядом наметил, где выигрышнее будет смотреться вывеска, оценил гостиничный комплекс напротив и невысокое здание полицейского участка через дорогу. Прелестно...

– Это к Каратику, вот станет наш Костик мэром, там и будет дарить блага старым друзьям, – Кондра заржал, хлопнул меня по плечу и потянул к входу. – Молоков мне должен давно, вот, считай, ради тебя отказался от одного желания этой рыбки золотой. Первый этаж, отдельный вход, подземный паркинг. Ну как тебе? Нравится?

– Восхитительно, – я даже не ожидал, что первое же место будет настолько удачным. Кондра будто был сильно заинтересован в том, чтобы я остался. Обернулся, рассматривая возбужденно-румяного друга. – А чего это ты так расстарался? Желанием пожертвовал, а ведь мог обменять на блага для семьи. Молоков – это же нефтяник, кажется? Ему принадлежат транзитные узлы, через которые гнали «черную» в Европу?

– Он-он... – качнул головой Кондрашов. – Только я уже не в том возрасте, чтобы за богатством рваться, да и о заднице начинаешь печься как-то трепетнее. Но если тебе не нравится...

– Конечно, нравится! – присел на подоконник, осматривая просторный светлый офис, прикидывая, сколько людей смогу перевезти сюда. Желающие найдутся однозначно, в этом я не сомневался, вот только мне нужны лучшие, поэтому придётся ещё и служебные хаты рядом с офисом искать, чтобы мои гении юриспруденции не ерепенились сильно. Возможно, Лисицын, он, кажется, глубоко семейный, а близость моря сильно кружит голову женам и малолетним отпрыскам. Да и Вареникову тоже можно свистнуть, он вообще из небольшого городка, поэтому и Чёрное море для него оазисом рая покажется. Надо Верке сказать, пусть возьмётся за офис.

– Тогда давай, – Кондра кинул мне папку с документами. – Подписывай, башляй денег за год вперед, и расходимся. Реквизиты в договоре, кстати...

– В смысле – за деньги? – настроение было на удивление шикарным. – Платно???

– Придурок, – рыкнул Кондра, набирая сообщение на телефоне. – Молоков сказал, что ключи и карты от паркинга у охраны, там же и договор с автографом оставим. Пойдем, а то мою задницу надерут, если за продуктами не успею.

– Исключительная степень доверия у вас тут, Санёк. Ключи, документы у дяди Степы из ЧОПа... А что, если не заплачу?

– Куда ты денешься, Рай? Тебя тут каждая вторая собака знает, а те, кто не знают, знакомы со мной. Мы с тобой просто идеальная парочка твикс. Я сажаю, ты выпускаешь... Бесконечность жизненной цепи.

В офис можно было попасть как с улицы, так и из центрального фойе бизнес-центра. На первом этаже извилистой лентой тянулись безлюдные, но зато дорогие бутики, небольшой итальянский ресторанчик, кофейня, а за стеклянной стеной, сверкая новьём спортивных сна-

рядов, завлекал прохожих современный тренажерный зал, в который мужики приходят позировать на сочные женские булочки.

Я уже было завернул за угол, но замер как вкопанный... За ровным рядом беговых дорожек прятался небольшой ринг с гирляндой боксёрских груш. И за самой дальней я заметил мельтешащую женскую фигурку. Практически прижался к стеклу, рассматривая аппетитную задницу, тонкую талию и открытую, в крошечном топе цвета спелой малины, спину...

По смуглой коже стекали капли пота, теряясь в намокшей ткани. Точёная фигурка манила, вызывая головокружение, амнезию, тахикардию и последующую остановку сердца... С шумом сглатывал слюну, следя за тем, как трясётся её попа, неосознанно порывая с каждым её прыжком. Длинная шея, чёрные как смоль волосы, собранные на макушке гнездом мелких кудряшек. Ночка так отчаянно лупила грушу, что пружинки колыхались, как ненормальные... Прилипали к мокрой коже, будто нарочно дразнили меня!

Даже ощутил жар её тела, солёный запах липкой испарины, упругость натруженных мышц. Её тонкие ручки с неистовой частотой лупили по красному снаряду, взметая в воздух мелкую пыль. За грушей стоял тренер и довольно махал головой, то и дело вскидывая брови от откровенного изумления. А удивляться было чему... Она сейчас походила на обезумевшего бесёнка, надирающего зад своему обидчику. И что-то мне подсказывало, что я его знаю лично...

– Идём, Рай! – шикнул Кондра, пытаюсь утянуть меня, но не тут-то было. Меня и бульдозером теперь отсюда не вытащить. Глаза просто прилипли... Мягкие булки женской попки вибрировали, красивые икры то напрягались, являя резкий рельеф, то вытягивались, маня утонченностью. Моя Ночка была разгневана... Лупила по снаряду с неистовой злостью, не зная пощады.

– Готов поспорить, что она представляет мой прекрасный лик!

– Ты в зеркало-то смотришься? – заржал Саня, пугая по-утреннему ленивых посетителей. – Твой лик печатал сломанный принтер, Рай, не льсти себе! То ли дело я...

Рванул дверь и, даже не попытавшись анализировать свои действия, стремительно вошёл в тренажёрный зал, игнорируя подорвавшегося администратора. Слышал, как Кондра за спиной принялся забалтывать суетливую девушку, чтобы не успела поднять шум, пока я вилял между тренажёрами.

Она была всего в шаге от меня... Замер у толстых канатов, опустил руки, стискивал пальцами, чтобы вернуть себе холодный разум. Но разве это было возможно? Нет... Как маньяк ненормальный, тянул носом, ловя нотки её парфюма с примесью горячего пота. Закрыв глаза, представляя, как охренительно ощущается в руках её тело. Как горячий ломтик тоста... С пылу с жару, спэшэл фо ми...

– Ох уж эти хрупкие женщины... Сколь прелестны, столь и опасны!

Курить хотелось невероятно, особенно рядом с этой разгневанной фурией. Стоял, как перевозбужденный подросток, подпирая каменным хером канат ринга. Ночка дёрнулась, прекратив издеваться и над собой и над грушей. Мышцы её были напряжены, грудь так часто вздымалась, что казалось – она сейчас вырубится от гипервентиляции лёгких.

– Адель? – аккуратно спросил качок, рассматривая меня с ног до головы своим прицельным взглядом. Такие знали, что оценивать, поэтому он и стрелял точно: часы, обувь и шилдик на поясе джинсов. От брезгливости не осталось и следа, да и желание защитить Ночку тоже угасло так стремительно, что смешно стало. Бодигард, мля...

– Всё хорошо, Юра, – выдохнула она и резкими движениями стала сдёргивать перчатки. Липучки истерично трещали, но не могли заглушить разгневанного шипения Ночки. Она походила на закипающий чайник, только пара из ушей не хватало для полноты картины. Поджимала губы, скалилась и всем своим видом показывала, что готова вцепиться в меня в любой момент. – Это мой старый знакомый.

– Настолько старый, что до сих пор помню вкус этих губ... – не выдержал я, с удовольствием наблюдая за откровенным шоком качка. Ну и у Ночки пар все-таки пошёл... Она дёрнула головой, кидая в мою сторону убийственный по своей силе ненависти взгляд. Фурия... Блядь, откуда в ней это? Эти жесткость, резкость, отчаянье... Откуда это все?

– На сегодня достаточно, – тренер оказался мужиком понятливым, поэтому и удалился очень шустро, оставляя нас наедине.

– Ты ещё хуже, чем был! А казалось, что хуже просто некуда! – шикнула Ночка и осела на пол, прикладываясь сочными губами к горлышку бутылки. Она глотала воду огромными порциями, выпуская тонкие струйки, стекающие по шее прямоком в ложбинку между титек. Вот бы снова ощутить их мягкость...

Её поведение лишь распаляло меня. Такая колючая, откровенная и грубая. Она будто нарочно вкидывает спички в и без того полыхающий костер, наслаждаясь моей реакцией.

Пиздец, блядь... Потёк мужик.

– И не говори. Словесное недержание с детства. Привыкай, Ночка.

– Привыкать? А зачем? – она дёрнулась, как от пощёчины, закрыла клапан бутылки и отбросила её в сторону.

Раскинула ноги в стороны, будто в шпагате хотела растянуться, а потом резко нагнулась, прижимаясь грудью к пыльному полу ринга. Я пропустил жалостный и сильно пораженческий присвист... Тонкая ткань натянулась, облекая её задницу, будто вторая кожа. Да я, блядь, чуть копыта не отбросил, рисуя взглядом пунктир по линии её стрингов, впившихся в задницу. Ждал... Ждал, когда шов треснет и убьёт меня, к херам собачьим, чтобы не мучился.

– Ты уже завтра наиграешься и найдёшь своему больному безумию новую жертву, поэтому, Раевский, свали в туман, а?

– Боже, что я слышу? Моя Ночка... Ты злословить научилась, что ли?

– А все меняется, Денис Саныч, и Ночка я уже лет двадцать не твоя, и по морде теперь надавать могу, – она выпрямилась и легко вскочила на ноги. Оперлась руками на канаты и стала медленно опускаться, будто нарочно приближая стянутые топом титеньки к моему носу. Смуглая кожа блестела от пота, манила и лишала остатка самообладания. – Хочешь испытать силу моего удара?

– Нет, спасибо... Ляшко своего дубась, а я мордой деньги делаю. Но моё лицо всегда к твоим услугам, – я дёрнул бровью, с упоением наслаждаясь её румянцем такого милого смущения.

– А ты можешь делать свои деньги на южном полюсе? Там, говорят, пингвинов притесняют. Вот они тебе на лицо пусть и садятся...

– О! А ты в курсе, чем я занимаюсь? – растянул канаты, помогая Аде вылезти. А когда она забыла об осторожности, бросил нижний как раз в тот момент, когда занесла ногу, чтобы перешагнуть. Моя Ночка взвизгнула и буквально рухнула прямо мне в руки. Прижал её к себе, скользя носом по скуле. Зарылся пальцами в волосы, забирая жар кожи, испивая аромат, пробуждающий ворох далёких воспоминаний. Другая... Совсем другая!

– Отвали, Раевский! – зашипела она и вдруг вонзила свои ногти мне в шею. Сжимала кожу, оттягивала и улыбалась, наслаждаясь моей болью. И лицо у неё стало вдруг таким блаженным, словно это всё, о чём она мечтала долгие двадцать лет. – Ты что думаешь, я сразу растекусь в лужу при первом твоём появлении? Думаешь, прятаться начну? Да? На хуй ты и твоя ебучая фамилия мне сдались, Раевский? Боялась бы – в жизни не вернулась бы домой. Поэтому с моськи своей сотри ухмылочку победную и прислушайся к моему совету.

– А что же вернулась? – дернул головой, вдруг осознав, что кайфую от едкой боли, вновь и вновь пронзающей мою шею. Ночка как кошка, то впивалась, то ослабляла хватку, успокаивающе проходясь холодными подушечками пальцев по саднящей коже. В её ведьминских гла-

зах танцевали черти, подкидывая ворох искр, от которых дышать было просто невозможно! Да она кайфовала... – Или жаждала меня увидеть? Соскучилась по Раю?

– Это ты скучал по Аду, раз вернулся, – Ночка поджала губы, прищурилась, испепеляя гневом во взгляде, и внезапно дёрнулась, спрыгивая на пол. Но не убежала... Наоборот, сделала такой твёрдый шаг в мою сторону, подняла руку и воткнула палец с острым ноготком мне в грудь. – Раевский, не попадайся мне больше... Увидишь – беги со скоростью света, прячясь, но не подходи! Я больше ни видеть тебя не хочу, ни слышать! Ясно?

– Ясно, – кивнул я и сделал шаг навстречу. Ноготь вонзился в солнечное сплетение, туда, где так четко ощущается сбивчивое сердцебиение. В её чёрных, как августовское небо, глазах вспыхнуло пламя. А я знал его... Столько ночей грелся в его ласковых объятиях. Ничего не меняется. – Но и ты гасись, девочка... Потому что хочу тебя так, что яйца гудят! Изменилась ты... Пахнет от тебя сексом так, что челюсти сводит, Ночка. Ныкайся, бойся и шарахайся, а то догоню...

– На хуй иди, Рай! – зашипела, как кошка, вот только щёки её вспыхнули румянцем. Венка на шее стала дубасить так, что кожа вибрировала, а капельки пота заскользили в ямочки ключиц. Готов был поклясться, что если нырнуть в её леггинсы, то там уже горячо и мокро...

– Сама придёшь, Ада. Дорожку показать, или вспомнишь?

– Мечтай... – выдохнула она, легко скользя губами по моей скуле. Оттолкнулась, выставила средний палец и, соблазнительно вихляя бёдрами, скрылась за углом.

– Догоню!

Глава 6

Меня просто подбрасывало от непроходящего возбуждения! Молнии так и шарахали по телу, выстреливая со всей дури в пах. Буквально через силу закончил нужные дела бюрократического характера, забрал ключи от офиса и, перехватив Верку Вьюник в центре, торжественно вручил адрес пустого офиса.

Верка прыгала до потолка, вытанцовывая танец Чунга-чанга прямо в центре города, совершенно не парясь о чужом мнении. Она забросала меня тонной вопросов, быстро конспектируя то, как я вижу этот офис, и, махнув моей кредиткой в воздухе, унеслась. Помещение было новым, чистым, свежим, поэтому сотворить несколько более-менее уютных рабочих зон и, естественно, кабинет для начальника – раз плюнуть для этого метеора.

Я ещё постоял какое-то время у офиса, рассматривая улицу, диссонирующую с воспоминаниями двадцатилетней давности. И дело даже не в прогрессе и навязанном современном лоске, уничтожившем уют узких улочек, а в том, что я был другим.

До сих пор не мог понять – эти обрывки прошлого несут в себе больше боли, страха или радости? Вроде и времени прошло много, но ты смотришь на это как-то иначе. Детьми были мы. Горячими, безголовыми и упорото влюбленными.

– Ладно, это мысли не на трезвую голову.

А у меня осталось последнее дело, не сделав которое, приобрету пару седых волос и дыру во лбу от родительского проклятья. Дом, в котором я вырос, находился в пригороде, и я даже не ожидал, что настолько кайфану, пролетая мимо мест, с которыми связано моё детство.

Сворачивая на свою улицу, я притормозил и на всякий случай сверил адрес с навигатором. Да нет... Не ошибся, вроде...

Вот только дом оказался намного меньше, чем тот, что замер в воспоминаниях. По высокому каменному забору тянулся густой виноградник, уже налившийся буйной зеленью в пышных листьях. Припарковался у гаража, достал из салона два букета белых роз, от которых мама просто с ума сходила, и подошел к калитке. Пальцы по памяти ткнули в стёртые кнопки кодового замка, и калитка, тихо скрипнув открылась.

Но везение моё продлилось недолго... Уже через пару секунд двор утонул в грозном лае, а на меня нёсся огромный питбуль.

– Фу, блядь! – заорал я, даже не думая сходить с места. Знал, что убегать бессмысленно, а отворачиваться – уж тем более, поэтому был только один вариант – попробовать подавить зверя морально. И это сработало... Пёс прижал задницу к каменной плитке извилистой дорожки, отчаянно тормозя.

– Рич, фу! – визг мамы донёсся с заднего двора, и через несколько секунд выбежала и сама мама, размахивая соломенной панамой в одной руке и граблями – в другой. – Денис? Денис! Отец, сын вернулся!

– Мама... – выдохнул я, вдруг так явно ощутив, как же сильно соскучился. Мы виделись несколько раз в год на нейтральной территории, потому что дома я не был с того самого вечера. Зимой вывозил её на море, а на Рождество мы часто бродили по Питеру, зябко ёжась от пронизывающего ветра.

– Сыночка, – мама выкинула оружие и бросилась ко мне, сгребая мою шею своими тонкими руками. От неё пахло клубникой и влажной землёй. – Ты вернулся?

– Что за шум? – грохнул отец, выбегая на веранду. Вид у него был забавный: майка-алкоголичка, шорты в подсолнух и бейсболка с флагом Союза. И ведь не скажешь, что этот мужчина ещё полгода назад гордо носил мантию. – Денис?

– Привет, родители, – я смеялся и кружил маму, как девчонку. – Это что за убийца?

– Это Ричард третий, – мама стирала слёзы, пританцовывала, то и дело норовя повиснуть на мне. – Боже! Проходи скорее.

– Третий? Это счёт или чин?

– Привет, сын, – отец сгрёб меня крепкими ручищами, прижал к себе, а потом отстранил, рассматривая с ног до головы. – Ты посмотри, какой стал! Хоть на обложку журнала модного ныряй. Какой ты, на хер, юрист? Ты этот... как его... метросексуал!

– Раевский! – взвизгнула мама и легонько шлёпнула отца по спине. – Что ты несёшь? И откуда понабрался этих словечек? Не слушай этого старого пердуна. Как вышел на пенсию, сам не свой: то налысо решил обриться, то татуировку захотел сделать! Не удивлюсь, если завтра с пирсингом в носу заявится.

– Пап, бей тоннели в уши, можно к ним поводок для Ричарда третьего цеплять на карабин. Практично, и руки свободны. Ну? Так и будем торчать у порога? Думаю, что уже все соседи услышали, что Дениска Раевский домой вернулся, может, в дом пойдём? Пустите? – я вручил маме один букет, и мы двинулись по тропинке на задний двор.

– Боже! Боже! – причитала бабушка Марта, медленно поднимаясь с ротанговой качалки. – Внук! Явился, а то я уж думала, что ты явишься только на мои похороны.

– Привет, Ба, – я быстро клюнул её поцелуем, отдал букет и рухнул в кресло. – А ничего не меняется, да?

Всё будто стало меньше, вот только плодовые деревья сильно разрослись, оттяпав от ровного газона львиную долю солнечного пространства. Кирпичный домик, просторная крытая веранда, увитая виноградом, диваны, расставленные вокруг стола, и гордость отца – печь, в которой по выходным мать пекла хлеб, а он экспериментировал с мясом. Именно здесь встречали все праздники, гуляли все дни рождения и выходные. Память стала набрасывать картинки шумной толпы родственников, друзей и свору детей, заглушающих гомон взрослых голосов своими криками.

– А что ты хотел увидеть? Замок? – не сдержался отец. – Разочарован?

– Нет, конечно. Это мой дом...

– Ну, наконец-то вспомнил, – крикнула бабушка и отвернулась в другую сторону. – А то я уж думала, тебе с совестью и память отшибло.

– А я со своей совестью живу в гармонии, Ба.

– Да? Тогда ты просто говнюк, забывший, что у тебя есть семья! – захрипела бабушка и затрясла деревянной тростью, долбя по перепонкам. – Ты думаешь, что вот просто так вернулся, и мы забудем, как ты убегал? Забудем, как наплевал на слово, данное отцу, как бросил мать, бьющуюся в истерике?

– Ба, я правильно понял, что скандала не избежать?

– Боже! Денис Саныч, вы так наивны, – бабушка дёрнула алыми губами и поправила идеально уложенные волосы. Она игриво катала фарфоровую чашку по мрамору столешницы, но я-то знал, что старушка моя нервничает, оттого и скалится. – Нельзя забыть о семье, а потом вернуться с жалким венчиком увядших роз. Думаешь, вот так просто снова стать сыном для нашей семьи?

– Для вашей семьи? А тебе юридическим языком ответить? Или родственным? Если первое, то поверь, не в твоей компетенции лишать меня статуса сына и внука. А если тебе фамилии жалко, то раньше думать надо было, ещё в роддоме, – вспыхнуть бы, да нет...

Я с удовольствием рассматривал мою вечно молодящуюся бабулю. Кстати, кажется, все вокруг знали, что если хочешь получить ворох проклятий, то просто назови её БАБУШКОЙ. У всех были эти милые добрые женщины, от которых пахло пирожками и клубничным вареньем, но только не у меня.

Марту Раевскую знал весь город – как приму балетного театра, а позже и его строгого, но справедливого руководителя. Она всегда была в центре событий, зачинщицей светских тема-

тических вечеринок, а также предметом сплетен, зависти и дикого восхищения. Время щадило её, берегло тонкий стан, гордый профиль и чистые голубые глаза. И даже морщины ей будто шли, дарили шарм и безусловное доверие.

Марта будто поняла, о чём я думаю, и внезапно смутилась, но продолжила испепелять гневным взглядом. Не шевелилась, не дышала... Да она будто вызвала меня на дуэль. Внутри закручивалась буря... Я оттолкнулся от спинки кресла, наклонил корпус, чувствуя приторный аромат её бессменного парфюма. Секунды таяли, а я не сдавался, пока бабуленька не усмехнулась. И взгляд её как-то неожиданно потеплел и заскользил по моему лицу с откровенной лаской мягкой кошки.

– Вылитый дед, – прошептала она. – Упёртый, как табун быков! Раевский ты до костного мозга, а это, считай, болезнь. И смена фамилии тут не поможет. Гены, мать их етить...

– Отставить ссоры! – отец в шутку ударил по столу. – Мать! Накрывай на стол, пока эти друг другу морды не расцарапали.

– И без тебя, старого дурака, знаю, – мама обняла меня за шею, быстро расцеловала в небритые щёки, взлохматила отросшие волосы и скрылась в доме. – Я как чувствовала, пирог с персиками испекла!

– Так и скажи, что знала, – снова булькнула бабушка.

– Баб Марта, а что за наезды? – я закурил, взглядом спросив разрешения у отца. – Ты недовольна чем-то?

– А чем мне довольной-то быть? Растишь внука, душу в него вкладываешь, а он тебе ручкой помашет и носа в родительский дом не кажет. Этому быть довольной?

– Так, может, мне удалиться?

– Будь любезен! – рыкнула она и обернулась, выдавая свою ложь застывшими в глазах слезами.

– А вот фиг тебе, старушка моя ворчливая, – я отдал сигарету отцу, встал и обнял бабушку. Вот она с детства такая... Болтает, проклиная, а сама слёзы сдерживает. – Потерпи уж мою физиономию.

– Так и быть... Мог бы и предупредить, – бабушка прижалась щекой, ласково поглаживая своими сухонькими пальцами мои ладони. – Я Лизоньку бы пригласила.

– Ой, мам, и не надоело тебе? – отец внезапно так громко рассмеялся, что мы вздрогнули.

– О! Это ж моя невеста с пелёнок? – мне тоже стало смешно. Вспомнил все наши посиделки, разговор которых так или иначе сводился к неминуемой свадьбе с Лизонькой Муратовой. – Как она? Ждёт? Тоскует?

– А что ты веселишься? Есть категория преданных женщин, – бабушка взяла с подноса новую чашку кофе и отточенным жестом бросила в него щепотку соли. – Такие тебя никогда не предадут, не сбегут и не выставят посмешищем на всю округу!

Не слова, а выстрелы в цели. Но выдала она это с абсолютно скучающим взглядом, будто содержание сериала пересказывала. Равнодушно, безэмоционально. Наверное, ещё лет десять назад я бы взорвался от гнева! Но не сейчас. Зачем убиваться по тому, что уже никогда не исправить?

– Мам, ты уж сильно нимб-то не полируй, – встрял в разговор отец. – То, что она замужем дважды была, ты специально упускаешь? Типа, тренировалась, что ли?

– Старый пень, – бабушка кинула в сына яблоком и отвернулась. – Но теперь-то она свободна! Всё, решено! Кстати, ты приглашен к своему дружочку Кондрашову?

– Это зависит от того, какую свинью ты мне решила подложить, – мы с отцом откровенно веселились, наблюдая за тем, как восьмидесятилетняя старушка бодро подскочила на ноги, бегло посмотрела на часы и стала собираться, будто на встречу с президентом опоздала.

– Знаешь, что помогало твоему деду от болезни «Раевского»?

– Даже не хочу спрашивать.

– Дрын! Вот сейчас как отхожу тебя, мало не покажется!

И веранда утонула в суетливых шагах бабушки, нашем смехе и воодушевлённом лае собаки. Отец сквозь слёзы пытался отобрать из рук матери лопату, Рич носился вокруг, ожидая, когда же придёт его очередь бегать за палкой, а мама тихо смахивала слёзы, застыв на пороге с пирогом.

– Решено! Едем вместе! Я буду готова через два часа, – устало выдохнула бабушка, собирая рассыпавшиеся локоны. – Надеюсь, Денис Саныч, твоя карета достойна моей персоны?

Глава 7

В мои планы совсем не входил совместный выход в свет. Поэтому я не мог сдержаться рвущийся разнообразием красок мат, пока надевал костюм, от которого уже подташнивало.

Верка работала как метеор. За полдня дом перестал напоминать съемное пристанище. Вьюник явно руководствовалась интерьером моей квартирой, воссоздавая привычную глазу обстановку. Высокий комод справа от двери с почти такой же вазой для ключей, на каменной поверхности был расставлены парфюм, часы, забытые в утренней спешке, и ежедневник в кожаном переплете.

Эта дьяволица, знающая толк в мелочах, меня даже испугала: та же марка кофемашины, любимые серебристые чашки известного бренда, мягкие тапочки, ковёр с высоким ворсом у камина. Она прошлась повсюду! Спальня ожила текстилем, одежда перекочевала из сумки в гардеробную, а в кабинете появились стол и мягкое кресло для работы. И даже недурно очень получилось, так сказать, в моём стиле. Панорамное окно оживляло холод рабочего пространства, так и завлекая сесть за стол и погрузиться в рутину дел. Но не сейчас...

Времени осмотреться почти не было, поэтому, быстро приняв душ и переодевшись, я выдвинулся к Кондрашову. Благо бабушка согласилась с доводами отца, что и его карета с превеликим удовольствием довезёт её персону в нужную точку. А когда я въехал на территорию коттеджного комплекса, понял, что сильно недооценил размах торжества по-прокурорски. Кое-как нашёл место для парковки, а выйдя, заметил и мечущегося в поисках места отца. Махнул и отошёл, освобождая пространство для манёвра.

– Боже, кого я вижу! Марта Денисовна! – Кондрашов раскинул руки, сгребая старушку в свои объятия. – Где подарок? Гони подарок, бабушка Апрель.

– Я и есть твой подарок, дурень, – она громко рассмеялась, вспомнив, как Сашка в детстве называл её то ба Январь, то ба Октябрь, в зависимости от времени года. Трогательно обняла здоровяка, потрепала по щеке и оправила шёлковое платье изумрудного цвета. – Ну и где же вы, друзья-неразлучники, успели вновь спеться? Сын, предупреди правоохранительные органы, что долбаная компашка вновь в сборе. Ещё поди ловеласа-Каратика подтянули? Или это он вас свёл?

– Да, – Кондра отмахнулся. – Пересеклись в центре. Денис искал офис, я ему помог.

Чертяка... Врёт и не краснеет! Так-так-так... Очень интересно.

– Ты что, правда решил осесть здесь? – отрететированная улыбка мгновенно слетела с лица бабушки, она настороженно повернула голову в мою сторону.

– Прокуроры не врут, ба Апрель, – Кондрашов приобнял старушку за плечи и повёл через распахнутые ворота, ведущие на задний двор его дома.

– Ну, тогда води нас, пока твои гости всю икру не сожрали!

Задний двор кишел вылизанными мужиками в смокингах, дамами, сверкающими бриллиантами, вызывая внутри меня бунт... А я так рассчитывал на теплое торжество, даже платок в карман бросил, вдруг скупую слезу воспоминаний придётся пустить? Но, очевидно, мелодрама откладывается.

Родителей вмиг обступили знакомые, и я хотел было воспользоваться тем, что за двадцать лет успел замылиться в их памяти, как моя бабуленька грозно зашипела:

– Раевский! Ещё шаг, и я прилюдно тебя выпорю!

– Есть снять портки! – вытянулся в струну и, натянув улыбку, развернулся к собравшимся.

И уже через пару минут толпа только и шепталась: Раевский... Раевский... Бля, можно подумать, я кинозвезда порнушки, а не скучный юрист-задрот. Но моя минута славы была

коротка, потому что вскоре к дому подъехала очередная тачка с персонами, чьи кости ещё не были перемыты и обглоданы.

– Ничего не меняется, да? – Сашка махнул рукой вновь прибывшим. – Токсичное общество, избалованное солнцем и ласковым морем.

– Поверь, в стильном обществе Урала забавы точно такие же. Обсудить, потом осудить и шлифануть улыбочкой фальшивой. А так да, ты прав. И лица те же, и яд знакомый. Кондра, а устрой какой-нибудь званый ужин с погононосителями.

– Рай, – Кондра заржал во всю глотку. – Ты хоть мне бы свои шуточки кулуарные не рассказывал. Знаю я, как ваш брат нас не любит. Но и вы иллюзиями не обрастайте, потому что адвокатских шкур не любят ещё больше!

– Обмен любезностями состоялся. Так что с ужином? Меня интересуют начальники участков, судьи, криминалисты, шустрые опера, – прогонял в голове список нужных мне знакомств, которые просто кровь из носу в скором порядке придётся заводить. – Наши однокурсники там есть? Начнём с них?

– Ладно, будет тебе раут со звёздами на погонах. Не скучай, пойду встречать гостей дорогих...

Задний двор Кондрашова был по размеру с футбольное поле, не меньше. По периметру тянулись фруктовые сады, выступающие ещё и в роли забора от высоченных особняков соседей, а возле дома пестрели белоснежные шатры со столами, дымились мангалы, сверкали хрустальные горки фужеров с шампанским. Гости курсировали, будто сговорившись, по часовой стрелке, собирая комплименты и одаривая друг друга фальшивым дружелюбием. И я вдруг понял, что чужой здесь. Разве этого я хотел, возвращаясь в родные пенаты? Лицезреть знакомые морды и скалиться, имитируя восторг?

– Раяша! – мне на спину вдруг кто-то прыгнул и оглушил звонким смехом. – Ты скучал?

– Верка, ты меня в могилу загонишь! – кое-как стряхнул эту засранку со спины и присвистнул... Девчонка, которую мы нянчили на семейных посиделках у Вьюников, как-то слишком выросла, а я и не заметил.

– Не раньше, чем рассчитаешься со мной за работу!

– Здорово, – смурной Костя Каратицкий, очевидно, приставленный к младшей из Вьюников, сильно был недоволен этим, потому что так и скользил взглядом по толпе, выискивая для себя жертву на сегодня. – Ну как тебе? Размах серьёзный, да? Я тут наслушался про нашего школьного друга Кондру... Мировой мужик, говорят. И в знакомых у него только Бреда Пита нет.

– Как жаль, – пискнула Вера и стырила с подноса бокал шампанского. – Получается, не очень-то он и мировой – ваш Кондра.

– Вера, у него четверо детей, жена и профессиональный геморрой от прокурорского кресла. Имей снисходительность к госструктурам, – хохотнул Костя. – Мы тебе кого-нибудь другого подберём.

– Придурок, – Верка хлопнула Каратика по плечу и тут же застыла. Но ненадолго, потому что в следующий миг она покраснела до уровня спелого помидора и стала сдавленно скулить, как закипающий чайник. – Боже! Боже! Боже! Это она? Темная Ночь?

Вера запрыгала на месте, отчаянно кивая в сторону шатров. Обернулся, шаря взглядом по толпе, пока не напоролся на занавес чёрных волос... Пелена ласково скользила по обнажённой спине, переливаясь от уличных огней подсветки, что паутиной тянулась по полупрозрачным тентам. Ночка...

– Вер, ты о чём? – Каратик откашлялся сам и заодно меня по хребту огрел, чтобы в чувства привести.

– Это художница, Темная Ночь! Я за её работами гонялась года два, пока не отчаялась! Где Кондрашов ваш прославленный? Пусть немедленно знакомит меня! Немедленно!

– А что за ними гоняться? – я закурил и специально отвернулся, чтобы не привлекать внимания, пока не соберу исходные данные. – Они редкие какие-то?

– Да Ночь не пишет уже много лет, Раюша. По рукам ходят её старые работы, которые, как говорят, были написаны ещё в молодости. Но коллекционеры шепчутся, что нужно просто знать, к кому стукнуться. Что ты прикидываешься олухом? У тебя самого в квартире над камином её картина висит!

Тело парализовало, а в памяти всплыли городская квартира и камин, над которым уже много лет висит картина, доставшаяся мне от бывшей жены. Все забрала, вычистила квартиру, а её оставила, наверное, в руки не влезла. А я и не против был. По вечерам садился на диван и тонул в мрачном морском пейзаже, дразнящем порочностью красной глади беспокойного моря. Бля, как же я раньше не понял? Сука! Всё это время она была рядом?

– А почему не пишет? – медленно курил, всматриваясь в тлеющий кончик сигареты.

– А я откуда знаю? – вспыхнула Вера. – Удалось попасть на один закрытый аукцион, но отец денег зажал, а я была так близка к победе! Там чуть все не перекусались, сражаясь за её «Пламя любви», – Вера достала телефон и показала фото той самой картины, от которой дыхание сбивалось... Задохнулся я и сейчас, будто пылающий уголёк в горле застрял.

Двадцать лет не видел её! На фоне развивающегося багряного заката обнаженная женская фигура смотрелась ещё более соблазнительно. Густые малиновые лучи солнца обнимали женский образ, в котором только я мог узнать мою Ночку. Её аккуратные титечки, так дерзко зазывающие крошечными бусинами розовых сосков, задница, в упругость которой так страстно впивались мои пальцы, и тончайшая талия.

У Ночки был свой почерк. Его сложно было спутать, потому что все её картины, хоть и были разными, но фирменное сочетание глубокого чёрного и порочного малинового стало её фишкой. Два цвета! Но сколько в них было жизни...

– Да я её биографию наизусть знаю, – Вера говорила с придыханием, не тая настоящего восторга. Глаз с неё не спускала, не замечая, как сжимает мой локоть. – От её картин башку сносит! В них столько чувств! Такая тонкая грань между болью, любовью и невыносимой тоской... Вы обязаны меня с ней познакомить!

– Нет, – категорически ответил Каратик, всё это время испепеляющий меня взглядом. – Пойдем поздравим Кондру и свалим по-тихому.

– Ещё чего! Никуда я не уйду, пока не познакомлюсь! Вы даже не понимаете, насколько она знаменита в узких кругах! – Верка махнула в воздухе острым ноготком, как саблей, так ловко пройдясь остриём по горлу охреневшего Кости.

– Пойдем, – я взял Верку за руку и повёл по тропинке вдоль фуршетных столов.

– Рай, блядь! – шипел Каратик, обгоняя нас. – Подумай!

– Ой, точно! Забыл! Спасибо, брат, что напомнил, – я замер, но лишь на секунду, чтобы подарить этому придурку мгновение надежды. Костя даже улыбку выдавил, скинув с лица напряжение, которое ему совсем не шло. – Всё, я подумал. Пойдем, Вера. Настроение у меня сегодня – дарить подарки...

– Как бы тебе самому с того подарка не поперхнуться!

– Так ты ж мне друг, поможешь не сдохнуть от удушья!

Чем ближе мы подходили, тем отчаяннее дёргалась Ночка, словно чуяла опасность. Она поворачивалась то вправо, то влево, тем самым демонстрируя бронзовую кожу обнаженных плеч. А когда расстояние между нами стало менее пяти метров, Адель и вовсе окаменела. Не обращала внимания ни на сидящих с ней за столом друзей, и уж тем более на Ляшко, вяло ползающего по её профилю сытым взглядом.

Никогда не понимал таких мужчин. Зачем быть с женщиной, если внутри не пылает? Зачем водить её за собой по мероприятиям, если, смотря на неё, ты думаешь о том, что не успел передёрнуть утром в душе? Сукин ты сын, Ляшко...

– Георгий Леонидович, добрый вечер. И вы тут? Знакомство с главным прокурором весьма полезно, чтобы пропустить юбилей? – на волне раздражения моё приветствие прозвучало как откровенный подъёб. Стыдно? Да ни капли...

– Как и знакомство с сыном мэра, да? – Ляшко рассмеялся, встал из-за стола, подав руку для рукопожатия. – Не представите меня, Денис?

– Знакомьтесь, – я чуть отошел, пропуская вперед Костю и Веру, а сам опёрся о спинку стула, на котором сидела моя Ночка. Она не шевелилась, даже не вздрогнула, лишь крепче сжала ножку бокала. – Константин, это Георгий Леонидович Ляшко, занимается всем понемногу и вроде ничем сразу...

За столом воцарилась тяжелая тишина, и лишь быстрый стук каблук по каменной уличной плитке смешивался с трелью живой музыки. Адель дёрнулась, специально прижавшись спиной к моим рукам, чтобы показать всю степень недовольства. Но меня было уже не останавливать... Я упивался красной мордой Ляшко, его кривоватой улыбкой и прищуром оценивающим. Он будто и забыл уже про сына мэра, с которым так хотел наладить контакт, отчаянно прожигая во мне дыру. Че, педрила-мученик, не нравится? А ведь это только начало!

– Очень приятно, – Ляшко все же растянулся в очаровании фальшивой улыбки и протянул Косте руку. – А это что за чудное создание?

Казалось, что гнев, кипящий во мне, уже и домну способен растопить, но как же я ошибался! Когда его липкий похотливый взгляд крошечных глаз слишком похабно прошёлся по Верке, мне дурно стало. Мелкая тоже смутилась, оттого и прижалась ко мне, повиснув на руке.

– Георгий, а это Вера Вьюник, – я снова закурил. Сжимал фильтр пальцами, представляя, что это кривая шейка Ляшко.

– Вьюник? – Ляшко воодушевился даже больше, чем от рукопожатия с Каратицким. – Вадим Вьюник...

– Это мой брат, – Вера подала руку и отчаянно захлопала ресницами, как делала всегда, когда хотела понравиться. Её очарование носило смертельный эффект: мужчины немели, а женщины пятнами покрывались. Собственно, что и произошло сейчас... Ночка так резко обернулась, стрельнув взглядом на наши сплетенные пальцы. – А я младшенькая. Самая трудная, не совсем сообразительная и завиральная, так папа говорит.

– Не носи чушь, Мелкая! – приснул смехом Каратик, бросив кроткий взгляд на удивленную Адель. – Верка у нас великая скромница, когда дело касается её качеств. Не верьте, это самая чудная девчонка в мире. Она нам как сестра. Да, Денис?

Богом клянусь, что я услышал выдох облегчения, и моих пальцев, сжимающих спинку стула Адель, коснулось тепло её кожи. Нет, это невыносимо! Эта бестия во мне такие фейерверки запускает, что рано или поздно в горку пепла превращусь.

– Вера, а позволь представить тебе ту самую Тёмную Ночь. – Пока Ляшко отвернулся, я легонько пробежался подушечками по руке Ады, откинул прядь волос, скрывающую татуировку с изображением испуганных ласточек. – Адель Ночкина, твой кумир.

– Боже, вы так охренительно красивы! – вспыхнула Верка, наконец-то позволив себе выпустить тот пар, что копился под её черепушкой всё это время. Мелкая даже не стала ждать приглашения, плюхнулась в соседнее кресло, так нагло рассматривая смущенную Аду. – Простите! Я когда нервничаю, говорю такие глупости... Не в смысле, что вы страшная... Чёрт! Раюша, останови меня!

Тишина длилась всего секунду, и все собравшиеся взорвались громким хохотом. Даже сам Ляшко затрепыхался, отчего его глаза и вовсе превратились в щёлки. Вера закрыла ладонями лицо, украдкой подсматривая в щель между пальцев.

– Адель, Верочка восхищена вашим творчеством, – сквозь смех проговорил я, а Каратик и вовсе уложил руки ей на плечи в попытке успокоить. – Наверное, это любовь? Как считаете?

– Прости, Верочка, но я больше не пишу, – Ада тоже расслабилась, заливаясь красивым звонким смехом. – Поэтому даже не знаю, чем могу тебе помочь?

– Подарите мне «От Ада до Рая», – прошептала Вера и буквально схватила Ночку за руки. – Хотя бы фотографию оригинала! Раюша, а ты видел эту картину?

– Вер, ну где живопись, и где юриспруденция?

– Это ж чистый секс, – Вера так нагло забрала из моих пальцев сигарету и с силой затянулась, будто бурный оргазм переживала. – Это история любви льда и пламени. Это их танец страсти на краю пропасти! Я видела фотографию в интернете, с тех пор и гоняюсь за вашими работами!

– Эта картина не продаётся, – Ада искренне улыбнулась и на мгновение прикрыла глаза, будто вспоминала. Её длинные ресницы вдруг затрепетали, а губы растянулись в довольной улыбке. – Но я могу подарить тебе один из набросков.

– Честно? – Верка заорала так, что соседние столики стали оборачиваться в нашу сторону. – Боже, я сейчас начну вам руки целовать, остановите меня...

– Всё, Вер, – Костя наклонился и приобнял растроганную Мелкую, в глазах которой сверкали льдинки слёз. – Адель пообещала, можешь успокоиться.

– Сейчас? А давайте поедим сейчас?

– Нет, Вера, – Ада просто заливалась смехом и по-матерински стирала слёзы с румяных щёк девчонки. – Оставь мне свой номер, и мы непременно созвонимся.

– Что, и кофе где-нибудь выпьем? – охнула Вера.

– Так есть хочется, что аж переночевать негде. Да, Вер? – я забрал сигарету из её рук, незаметно ущипнув за руку.

– Адель, а скажите, почему те двое не могут быть вместе? Между ними словно непреодолимая пропасть, ведь так? – Вера заикалась, пытаясь справиться с рвущимися наружу эмоциями. Ногой дернул свободный стул и сел так, чтобы было видно лицо растерянной Ады. Она явно была не готова к подобному разговору, оттого и губы поджала.

Моя Ночка была просто неотразима. Годы ей шли. Они стёрли угловатость молодого тела, забрали худобу, щедро одаривая великолепием идеальной фигуры. А как только мой взгляд скользнул чуть ниже шеи, я понял, что уже не встану... Кровь с шумом прилила в голову, а потом горным потоком шибанула в пах.

Ночка будто готовилась к нашей встрече! Этот её убийственный по откровенности наряд, состоящий из тонкого лоскута алого шёлка, небрежно прикрывал шикарное тело чисто номинально. Декольте было открытым, а сквозь нежную ткань так отчётливо просматривалась её грудь. И чем дольше я смотрел, тем резче становились камушки сосков. Глубокий разрез от самого бедра открывал всю красоту стройных ножек. А тонкие замшевые ремешки сабо опутывали изящные стопы с аккуратным педикюром и неизменными колечками на пальчиках ног. Моя Ночка... Она словно мысли мои прочитала, оттого и перебросила густую пелену черных волос через плечи, наивно пытаясь скрыться от меня.

Поздно, Ночка. Пиздец как поздно!

– А в жизни всегда так, Верочка. Пока ты молод, думаешь, что море по колено и горе по плечу. Живешь чувствами, эмоциями, и единственное, кого ты слушаешь – свое сердце...

– А потом? – Костя тоже присел, смирившись, что разговор так скоро свернуть не удастся. Взял из рук официанта бокал шампанского и вложил в руку Мелкой.

– С годами голос сердца превращается в шёпот, который так легко заглушить сплетнями, ложью и прочей чепухой в виде статуса, достатка и чистотой родословной. Ну не всем быть породистыми жеребчиками.

– А я не верю, – Вера сделала глоток и опустила взгляд. – Я часами смотрела на ту танцующую пару, понимая, что это не люди. Ада, это же души?

– Души, Вер.

– Тогда им не важен статус, и всё материальное для них чуждо! Они просто любят!

– Боже, какая трогательная чистота, – рассмеялась Ада и обняла Вьюник. – Ты мне нравишься, детка.

– Если бы я была мужиком, – вздохнула Вера, зарываясь носом в полотно чёрных волос. – Ни за что не отпустила бы вас...

Ах ты гадкая девчонка! Подобной пронизательности от Мелкой я не ожидал. И все её чувства, эмоции были настолько живыми, неподдельными, что засмотрелся. Вот только есть один нюанс, Верочка... Это она сбежала от меня, бросив на вокзале, как собачку, которую не пустили в плацкарт, мчащийся в новую жизнь. Так вот я был тем самым балластом, прошлым, сломанной статуэткой, которые принято оставлять на помойке, прежде чем войти на тропинку к светлому будущему.

– Дамы и господа! – ведущий громыхал в микрофон, привлекая внимание расползшихся по поляне гостей. Вокруг всё оживило, голоса становились всё громче, уют беседы растворился, и большая часть сидящих за столом удалилась к сцене.

– Идём, Адель, – Ляшко взял Аду за локоть и потащил в гущу событий, игнорируя её тихое сопротивление. Педрила-мученик был строг и задумчив, явно негодуя от того, что его персоне не уделили должного внимания, потому и сжимал локоть Ады, наслаждаясь болью, что причинял.

– Рай, а вы считаетесь свидетелями? – всхлипывала Верка. – Или вы заинтересованная сторона? Ваши показания не считаются?

– Смотря что ты собралась делать? На ограбление решилась?

– Дурак, Рай! А вдруг она передумает?

– Пакостливая девчонка, – Костя дёрнул Мелкую за хвост и махнул в сторону сцены, на которой разворачивалось представление. Двор стал медленно тонуть в темноте, и лишь толстые свечи со столов образовывали волшебное зарево. Каратик втихую протянул мне бутылку коньяка, подмигнул и отвернулся. Приложился к горлышку, впуская обжигающий алкоголь в попытке смыть впечатления этой встречи.

Моя Ночка...

Не мог сидеть на месте. Встал и побрел в темноту, то и дело отпивая коньяк прямо из бутылки. Шёл по тропинке, пока не наткнулся на старый дуб, корни которого уродливыми коряками торчали из-под земли. Приземлился и закрыл глаза.

Я так долго не впускал в себя прошлое. Так долго сопротивлялся! Строил непробиваемую стену, которую просто невозможно разрушить! Что же случилось сейчас? Что?

Наступила ночь...

Глухой треск сухих веток и тихий плач резанули слух за мгновение до того, как в воздухе вспыхнул алый шлейф шелкового платья. Ночка...

Глава 8

В свете неона фонарей алый шлейф её платья казался малиновым туманом, отравляющим мой мозг. Токсичное пятно, которого все боятся, но никто никогда не видел. Каждый мой вдох нёс смерть. Нет, не телу. А собственной выдержке.

Ада остановилась на мгновение, а потом стянула туфли и рванула вглубь персиковой рощи.

Меня разрывало надвое!

Член отбивал чечетку удачи, а вот разум орал: «Не ведись!» Ну, собственно, под этот вопль я и двинулся по её следу. Вдыхал тонкую сладость парфюма, бессмысленно считал её шаги. Пальцы сжались в кулак, чтобы хоть как-то сдерживать рвущиеся наружу эмоции. Лишь бы не спугнуть. Я непременно сорву бант с этого подарка судьбы. И никто мне не помешает!

Адель ещё долго бежала, беря розоватые лепестки цветущих деревьев. Нос щекотало сладостью цветения и приторностью молодой листвы. Шел максимально тихо, пытаясь понять, какого хера я делаю?

Как садюга тестостероновый, иду по следу, боясь моргнуть, чтобы видение не растворилось. Меня волнами отбрасывало в прошлое, где первые года полтора я жил постоянно вздрагивая. Ночка мерещилась везде: в угрюмых лицах прохожих, в очереди университетской столовки, у барной стойки задрипанного клуба. Моя Ночь была рядом, куда бы я ни шёл.

У горя всегда несколько стадий... Я начал сразу с принятия. Просто принял, что от её образа мне не убежать, и научился жить. Говорил с ней за завтраком, жаловался на идиота Тухманова, решившего, что я просто мальчик на побегушках, а по ночам желал спокойной ночи, так явственно представляя её обнаженное тело, покрытое мокрыми крошками морского песка. Слышал легкость её смеха, чувствовал тепло нежного взгляда и рычал, умирая от смертельного стояка.

Да я, как подросток, надрачивал каждую ночь, потому что это было нестерпимо! Мозг подкидывал картинки, тело помнило касания, а в ушах звенели её стоны. Это была личная шизофрения! Помешательство! Да меня наизнанку выворачивало от ужасающего ощущения одиночества. И лишь после того, как давление падало, я вновь вспоминал многолюдный вокзал и её грустный взгляд чёрных глаз:

« – Мы уедем вместе! – сжал её трясущиеся ладони, явно перебарщивая с силой. Но мне было страшно, что вновь придётся искать её! Что вновь впущу в голову мысль, что больше никогда её не увижу! – Ты слышишь?»

– У меня ничего нет, – Ночь с остервенением рванула руки и стала выворачивать карманы. – Паспорт, немного денег и мольберт с красками! У меня нет дома на берегу моря, нет любящей семьи, нет знаменитой фамилии! Моя бабушка торговала домашним вином на пляже, а не сверкала на сцене балета, а отец всю жизнь пахал поля, а не носил мантию! Мне и терять нечего, Денис! Это неудобная, неприятная, но правда!

– Нечего терять? – мой голос прозвучал горном над головами суетящихся пассажиров. – Тебе нечего терять, Ночка? Кому ты врёшь? Ты думаешь, я не вижу твои заплаканные глаза? Мы уедем вместе, и срать я хотел на фамилии, балет и поля. Ясно?

– Ага... – её взгляд на миг стал ясным. Уютная темнота карих глаз вновь стала ласковой, нежной, родной. И ком в горле стал рассасываться, потому что я достучался...

– Глупенькая моя, – притянул к себе мою девочку, прижал, зарылся носом в волосы, насквозь пропахшие сладостью масляных красок. – Хочешь, мы прямо сейчас сбежим?

– Хочу, – она быстро кивала головой, все сильнее впиваясь ногтями в мою толстовку. – Ты меня никогда не бросишь?

– Я буду вечно твоим Раем...

– А я навсегда стану твоим Адом, – как-то резко выдохнула она, закинула голову назад и посмотрела в глаза.

– И я никуда тебя не отпущу... Ты моя, понимаешь? Моя! Так, стой здесь, – я обернулся, оценивая толпу у билетных касс, куда просто не пробиться с её гигантским чемоданом и мольбертом. – Куплю билеты и вернусь. Ты просто побудь здесь.

Усадил Ночку на скамейку, подтянул её вещи и купил мороженое у пробегающей мимо торговли. Врезался в толпу, мысленно прикидывая, куда же мы отправимся? Юг? Север? Или рванём на Камчатку? Адка всю жизнь мечтала увидеть гейзеры и пышущие вулканы. Я считал, сколько у меня денег, на сколько хватит накоплений, а когда вернулся... А когда вернулся, то скамья была пуста. И лишь белое растаявшее пятно от сливочного пломбира говорило о том, что это не видение...»

И вот я снова на перепутье.

Можно всю жизнь доказывать свою любовь, а можно просто сбежать.

Замедлил шаг, чтобы насладиться её прекрасным безумием. Следил за тем, как она танцует у цветущих персиков, как жалостливо завывает февральским ветром. Я нарочно разогнал внутри турбину ненависти! Пытался всколыхнуть боль, напиться ей, насытиться, чтобы сотворить АД! Я так долго мечтал, что превращу её жизнь в пепел! Развею это лживое облако над морем, невзирая ни на что! А теперь?

Я слаб. Душа вновь рвётся на куски, а ладони печёт от желания просто обнять, забыв про двадцать лет одиночества души.

Но я слишком поздно понял, что ошибся лишь в одном... Ночка не рыдала, она сдавленно смеялась, опасно лавируя по острию истерики. И лишь когда отошла достаточно далеко, чтобы её никто не мог услышать, взорвалась хохотом. Закидывала голову, словно нарочно смеялась небу в лицо! И образ её становился ещё более притягательным.

Столько в ней было эмоций, жизни, страсти, ненависти! Эти шальные глаза, резкие движения и хриплое дыхание между возгласами. Её черные волосы взмывали в воздух и вновь ласковой пеленой скользили по плечам, путались в шелковых лентах на спине. Она расплещивала безумие, гортанно кричала, прерываясь на истерический смех, и снова скулила от боли.

Ночка припала грудью к дереву, обхватила его руками и затряслась.

Три шага... Три стремительных шага, и я грудью впечатался в неё. Понимал, что делаю больно! Но ничего не мог с собой поделать.

Повторил её движение, обхватил одной рукой ствол дерева, сплетая наши пальцы так, чтобы не вздумала сбежать. А второй перекинул её волосы через плечо, чтобы насладиться растерянностью.

– Ты меня ждала?

– Отвали! – заорала она и задергалась с такой силой, что на нас рухнула лавина белых лепестков. Нас засыпало, нежные цветки путались в её волосах, покрывали плечи, прилипали к влажным губам...

– Не отвалю, Ночка. Я тебя предупреждал, чтобы ты бежала? Предупреждал...

– Так какого хера ты сам ко мне идёшь? – она дёрнулась, упираясь задницей в мой стояк, и жалобно заскулила, кусая губы. – Денис, отпусти... Отпусти!

– С хера ли? Я – охотник, так удачно притаившийся в кустах. Ты – моя добыча, так глупо залетевшая в капкан. Хватит ломать комедию, Ада! Ведь ты же тоже хочешь?

Рванул её на себя, разжимая пальцы, и вновь припёр к стволу, только уже спиной. Она сопротивлялась, брыкалась, то и дело пыталась укусить. Из её горла вырывался хриплый рёв

раненой птицы, так отчаянно сражающейся за свою жизнь. Вот только бестолку это все было. Я сорвал с шеи галстук и с силой затянул его на тонких запястьях по ту сторону ствола.

– Урод! Ну, какой же ты урод! – завывала она, пытаюсь освободить руки. Делала себе больно, царапала открытую спину о сухой ствол дерева, но всё равно не останавливалась. – Все вы такие! Все! Только силой брать и можете!

– А как тебя, суку, не брать силой? – зашипел, отходя всего на шаг. Сигарета, всполох огня, и спасительное облако отравы, стремительно заполняющее лёгкие. – Я сейчас и трахнуть тебя могу, потому что никто не услышит.

– Да? – в её взгляде вспыхнула ненависть. Да такая, что кожу прожигала до дыр. – Так давай? Ну? Сделай это, чтобы я могла ненавидеть тебя ещё сильнее! Давай, Рай! Опустись на дно!

– Бляяядь... – протянул я и наигранно хлопнул себя по лбу. – Забыл, Ночка. Я же романтик ебанутый... Сначала мы с тобой поговорим, потом обязательно будут предварительные ласки... Всё, как в интернетах пишут.

– На хуй иди со своим романтизмом!

– Заткнись, – я вновь сделал шаг. Мизинцем подцепил тонкий шёлк, номинально прикрывающий её грудь, и отвёл в сторону. – Скучала? Ну признайся, скучала же?

– Я уже сказала, куда тебе идти, придурок!

– Сопровствляйся, дорогая моя... Сопровствляйся! – ладонь накрыла грудь, пропуская сосок меж пальцев. Перекатывал твёрдый камушек, не сводя взгляда. – Посылаешь, ядом брызжешь... Вот только тело твоё говорит о другом.

– А ты мастер языка тела? – Ночка замерла, а потом с яростью взмахнула ногой, целясь коленом прямо в пах, но и к этому я был готов. Подхватил её под сгибом и отвёл в сторону. Разрез её платья безвольно поддался моей задумке, обнажая длину стройных ног, прозрачную сетку красного белья и тёмную полосу волос на лобке.

Внутри всё рвануло. С силой вжался стояком в её живот и обнял, отчаянно шепча на ухо:

– А если я проверю? А вдруг там горячо и мокро, Ночка? Что сделать тогда? Трахнуть?

Она не могла говорить... И не скрывала этого, безвольно мотала головой, прикрыв глаза, из которых лились слёзы крупными каплями ртути. Они падали на грудь, бережно огибали сосок и неслись ниже. Всё в ней говорило о борьбе. Возбуждение шаршило, заставляя вскипать кровь, но разум рассыпал горы льда, чтобы просто умом не тронуться. Она металась по стволу, то прижимаясь ко мне телом, то пытаюсь слиться с деревом в попытке отдалиться. Штормило не по-детски... И я видел всё это. Но не останавливался, а наоборот, подкидывал щепки в её огонь.

С каким-то животным остервенением впился в её губы. Испивал солоноватость слёз, вбирал сладость шампанского и тихие стоны. Рукой шарил по телу. Оглаживал шёлк кожи, изменившиеся изгибы тела, исследовал, чтобы запомнить. С нажимом прошёлся по кромке белья, нарочно царапая ногтями. Ночка рыдала, пытаюсь укусить, сжимала зубы, не позволяя моему языку пробраться в свой рай, но я не останавливался...

Пальцы под ткань, и вот уже тепло её возбуждения растекалось по подушечкам. Проскользил меж горячих складочек, понимая, что иду по грани... А как только прошёлся по каменному бугорочку, Аду затрясло крупной дрожью. Она распахнула рот, пытаюсь глотнуть воздуха, но вместо этого впустила меня...

Наши языки сражались, она мычала, пыталась сжать зубы, но тогда я снова делал поступательное движение, всё ближе и ближе пробираясь к её плоти. А когда резко подался вперёд, входя двумя пальцами, Ночка взвыла. Её черные глаза распахнулись, утягивая меня в бесконечность её тьмы. Язык стал мягким, ласковым...

Я задыхался от пьяного чувства власти! Казалось, что лучше уже ничего и быть не может! Она в моих руках, шипящая, сопротивляющаяся, но МОЯ!

Это была грань безумия, где сделать неверный шаг приравнялось к полёту в пропасть! Мы оба это понимали, оттого и не аккуратничали. Поцелуй превратился в адовый котел, движения приобрели резкость, болезненность. Ада покачивала бедрами, подстраиваясь под ритм моей пытки, и все медленнее дышала...

И время растворилось. Будто и не было его вовсе. Все ощущения стали знакомыми, понятными. Казалось, и не пришлось мне связывать её, чтобы получить то, о чем мечтал. Моя девочка... Ада сдавленно рычала, уже самостоятельно держа свою заброшенную мне за спину ногу. То прижимала меня к себе, то давала свободу творить с собой всё, что захочу.

– Вот так, девочка... Вот так... – мои пальцы двигались медленно, я глушил в себе порыв сорвать с неё трусы и просто трахнуть, пользуясь возможностью. Но не мог... От одной этой мысли внутри всё бунтовало! Она права лишь в том, что, взяв её силой, подпишу для себя смертельный приговор. – Если мне нужно каждый раз умирять тебя таким образом, то я согласен, Ночка.

– Ненавижу... – она хапнула воздух, распахивая глаза, когда я чуть согнул пальцы внутри. Зрачки её пульсировали танцем похоти. Тело сдалось, и лишь разум напоминал о нелепой ненависти...

– Почему ты ушла? – кусал её нижнюю губу, проходилась поцелуями по острой линии челюсти, вдыхал аромат кожи и дурел. Как зверь дурел! Перед глазами была малиновая пелена страсти, которую уже было не развеять.

– Потому что это был единственный шанс не сдохнуть! – вдруг заорала она.

Лицо стало таким странным... Глаза кровью налились, нос стал тонким, губы сжались, а брови сомкнулись на переносице. Не врала... Ночка не врала. Я сначала было подумал, что эта её ненависть надуманная – крючок, чтобы клюнул. Был уверен. Что она просто играет! Эдакие женские заёбики прибабахнутых стерв, но неееет... Сейчас я понял, что по её венам текут ненависть и презрение. И концентрация там убийственная!

– Мне надо было спасти себя, Рай! Себя!

– Что ты несёшь? – сжал её подбородок, чтобы не смела отворачиваться. – Спасать? От кого? От меня?

– От тебя, Рай! От тебя! Ты и твоё семейство мою жизнь сломали. А что? – вдруг рассмеялась Ада и скривила губы. – Удивлён? Не нравится? Кушай на здоровье, а ведь я тебя предупреждала, чтобы ты держался от меня подальше. Сейчас бы лелеял мысль, что наш бедный, несчастный Раюша, возвращенный на вспушенной перине, оказался жертвой суки бездушной, посмевающей бросить его. Жри, Раевский!

– Ты ёбнулась? Какая семья? – каждое её слово вгоняло пику под самое сердце. А каждый её взгляд проволакивал её то по часовой стрелке, то обратно...

– А иди и сам узнай! – Ночка махнула головой, и пелена страсти вновь посыпалась миллионом осколков. В её глазах больше не было и намёка на желание. Она шипела, чуть выворачивая верхнюю губу. – Да я к вашей семейке больше ни на шаг не подойду... Только и вы сделайте одолжение, держитесь от меня подальше!

– Адель! Адель! Ты где? – крик Ляшко заставил нас заткнуться. – Милая...

Мы ещё несколько секунд смотрели друг другу в глаза, рассыпая искры. Хотелось заорать, схватить её, перекинуть на плечо и унести туда, где никого нет! Хотелось выбить правду! Обнажить её душу, вырвать чепуху, которую она мне тут намолотала!

– Отвали, Рай. И поверь, это будет самый правильный поступок из всех возможных...

Глава 9

– Вот это я поспал, так поспал, – охнул, толкая дверь своего нового офиса. В одной руке была сумка с рабочим компьютером, а в другой – картонная хрень с кофе из соседней кофейни.

При моём появлении работа встала, но лишь на мгновение, вскоре толпы сотрудников вновь бросились жужжать своими агрегатами, собирая мебель, навешивая деревянные жалюзи на панорамные окна, и устанавливать двери в помещениях, подразумевающих уединённость по генплану здания. Мда-а-а-а, работа кипела не по-детски...

Опешил я, ещё паркуясь у входа, когда с ужасом наблюдал, как трое отважных парней устанавливали неоновую вывеску «Титанида-груп» над входом. Следил за тем, как они бесстрашно висели на специальных ремнях, прикидывая, сколько можно будет срубить с их фирмы, потому что нарушений в области охраны труда и техники безопасности на производстве уйма.

Но на этом сюрпризы не закончились, войдя в помещение, я обомлел от творящегося хаоса, во главе которого расхаживала деловая Верка. В пучке её шоколадных волос торчало три цветных карандаша, и в зависимости от ситуации она доставала их, делая быстрые пометки в ежедневнике.

– Раюша! – она всплеснула руками и бросилась на меня, разбрасывая молнии негодования. – Полработы не показывают!

– Вьюша, – я сжал её за запястье, ловко крутанул, чтобы уже не смогла размахивать своими маленькими кулачками, и прижал к себе спиной. – Охренеть! Это же уже самый настоящий офис! Хоть сейчас заряжай рекламу и гони слух про самого крутого юриста, снизошедшего до этих бранных земель.

Офис практически был готов. Стекланные перегородки грозились поставить в лучшем случае через пару месяцев, но Верка нашла выход – просто зонировала пространство огромными прямоугольными уличными вазонами с пышными фикусами. Они живой изгородью закрывали рабочие столы будущих сотрудников, создавая уединённое уютное пространство. Прекрасно...

– А может, ну их на хер – эти стекляшки? А? Смотри, как круто получилось? Юристы – тонкие натуры. А тут и зелень, и природа, а белым шумом я им пение птиц включу. Пушай медитируют, мне не жалко.

– Признаться, я уже об этом думала, – Вера достала синий карандаш из пучка и стала что-то зачёркивать в записной книжке. – Но буфетную зону я всё же отделила бы, а то твои гении начнут разогревать голубцы, и всё, весь офис будет вонять чесноком. А оно нам не надо.

– Согласен, – у дальней стены уже устанавливали кухонную зону, встраивали технику и монтировали парящую барную стойку. – Я надеюсь, что бюджет не загонит меня в дурку, а, Вьюша?

– Ты не поверишь! – ахнула егоза и стала тыкать пальцами. – Эти кашпо я выкупила у ресторана, готовящегося к ремонту. Кухонный гарнитур вообще на халяву достался, потому что наш друг Каратик – не петушара, чтобы иметь кухню белого цвета.

– Так и сказал? – я заржал, представляя, как туго пришлось Верке с этим эстетом по понятиям.

– Ага! – она крутанулась и махнула грузчикам, вносящим несколько небольших белых диванов. – Ну? Сказать, кто спонсор этих предметов интерьера?

– Не надо. И другим не говори. Итак? Что с моим кабинетом?

– А он готов, Денис Саныч, – Вера толкнула меня в небольшой коридорчик, откуда шли двери и в паркинг, и в личный санузел. – Вуаля!

– Я лично позвоню дяде Диме и подтвержу, что с такой прытью тебе точно не место в Меде.

– Вот-вот! Позвони! А то он нос морщит до сих пор и трубку через раз берёт! – Верка надула губы и рухнула на замшевый диван песочного цвета.

Этот кабинет был даже лучше, чем в центральном офисе. Окна выходили на внутреннюю часть двора, отчего солнце было не палящим, а ласковым и тёплым, как топлёное масло. По периметру стояли высокие книжные стеллажи, в центре – стол п-образной формы, за закутком на комод – кофемашина и сейф. А в смежной крохотной комнате – личный санузел и шкаф, где уже висело несколько костюмов в портпледах и стояла обувь в пластиковых боксах.

– Бля... Вера, ты меня сильно пугаешь!

– Я просто очень внимательная, Раюша, – она подскочила и стала варить нам кофе, а это значит, что есть тема для разговора. – Внимательная настолько, что не могу перестать думать вот о чём... Адель Ночкина... Раевский Денис... Не это ли те самые Ад и Рай?

– А тебе про Варвару поговорку рассказывали? – я сдернул плёнку с нового ортопедического кресла и стал выдвигать ящики стола, адски шипя, когда обнаружил и полный набор канцелярских принадлежностей, и файлы с папками, и даже принтер, спрятанный в нижний ящик, чтобы не портить простоту и изящество современного интерьера.

– А можешь не отвечать, Раюша. Я и так всё поняла, – хмыкнула она и поставила передо мной чашку. – Странно, что Ляшко этот ничего не понял. Но приложил ты его знатно: «Это Георгий Леонидович Ляшко, занимается всем понемногу и вроде ничем сразу...», – стала передразнивать меня Вера, звонко хохоча.

– Давай-давай... Расчехляйся. Что нарыла? – ровно насколько знала меня Верка, настолько же знал её и я. Она с детства была девочкой пытливей, любопытной и слишком сообразительной.

– Ой, а что это ты так плохо обо мне думаешь? – Она попыталась надуть губу, чтобы показать обиду, но желание поделиться сплетнями было сильнее, поэтому она села на край стола и стала помогать мне раскладывать по ящикам документы. – Сорок семь, семьи нет, занимается хер знает чем, но в друзьях полстраны. Тут поможет, там зачесется, тут приболтает. Папа знаешь как таких называет?

– Знаю, но вслух не скажу, – улыбнулся, старательно отворачиваясь.

– Зато я скажу, Хуепутало с отполированным языком. Так вот, Ляшко из таких. Он, кстати, местный. Сын дипломата, только его отец получил какую-то должность и забрал всю семью в столицу еще в лохматых восьмидесятых. Скорее всего, Ляшко этот начинал на базе знакомств отца, а там научился вылизывать задницы до блеска и стал наращивать масштабы. Возвращался он сюда постепенно, когда в регион хлынули бабки перед олимпиадой. Приезжал набегами, а год назад совсем осел. Никто даже не смог сказать, чем он занимается, потому что не знают. Он светит своей физиономией на всех мероприятиях, блистает и светится, будто пуп земли. А на самом деле...

– Хуепутало, я понял, – откатился к окну, забросил ноги на каменный подоконник. – А Ада когда вернулась?

– А Ночка вернулась за месяц до открытия галереи, – Вера обошла меня и встала, прижавшись к стене, чтобы видеть моё лицо. – Там со спонсорством какая-то путаница. Одни говорят, что Ляшко на собственные грошики всё организовал, а другие говорят, что из кормушки отхлебнул.

– И кто ж его кормит?

– Не знаю, – Вера пожала плечами. – Но пару раз всплывала фамилия Горький.

– Это не фамилия, – рассмеялся я. – Это кличка, Вер. А что подсказывают тебе женская чуйка и аналитические способности?

– А я думаю, что он пуст, как Бобик, вот только пыли у него вагон и маленькая тележка, – Вера вспыхнула злым взглядом. – И он так ловко распыляет её всяким богатым дядькам, внедряясь к ним в доверие.

– Чем же он тебе не угодил?

– А тем, что за год до начала строительства проходил тот закрытый аукцион, помнишь, я показывала картину? Но на нём ещё выставлялись ранние работы Адель, а также наброски. Там столько бабла было собрано! Волосы дыбом вставали, отец с Вадиком тогда ржали, что явно не тем занимаются, раз каракули обошли по доходу нефтеперекачку.

– А что здесь странного? Ты же сама сказала, что спрос на её работы высокий!

– А то, Денис Саныч, что на прокурорских днях рождения надо присутствовать, а не лакать конину в лесу! – она коварно подмигнула, а я вспомнил, что когда нас потревожил голос Ляшко, его кто-то окликнул, дав спасительные минуты на эвакуацию. Эх, Вера Дмитриевна... Какой, на хрен, Мед?

– Говори, Вьюша. Говори...

– А Ночку ограбили, – она пожалала плечами и села на подоконник. – Из квартиры вынесли все наброски и несколько картин.

– Ну бред. Вер, ты сама-то в это веришь? И что? Её обокрали, потом на аукционе выставляют её работы, и она спокойно смотрит, как вор обогащается?

– Это неточная информация, – Верка задумалась, говорить ли то, что нарыла, или не делать этого, а значит, инфы была на уровне слухов. Вот только мне было важно всё!

– Вера...

– Говорят, в квартире была только её старшая сестра. Адель поэтому и в полицию не заявляла, и, узнав про аукцион, ничего делать не стала. Бедовая она у неё, что ли?

– Лиля, – выдохнул я, погружаясь в воспоминания прошлого...

Лилия Ночкина была самой красивой девушкой на побережье, училась в экономическом, была завсегдатаем конкурсов красоты, и даже стала вице-мисс России, кажется, в девяностых. Но лучше бы она была скучным, но красивым экономистом, а вместо этого стала целью. Все бандиты, криминальные авторитеты и политики мечтали получить эту птичку в любовницы, но повезло только Горькому.

Они встречались недолго, но ярко. Правда, закончили плохо. Лилька стала наркоманкой, растеряв и красоту, и острый ум, а он окончательно погрузился в криминал, откуда до сих пор не смог или вовсе не захотел выбраться.

Верка думает, что версия сырая и сильно бредовая, но что-то мне подсказывает, что это очень похоже на правду. И треугольник так логично складывается: Ляшко, жрущий грязные бабки из кормушки Горького, и обдолбанная Лилька, которую несколько раз из петли вытаскивали от неразделенной любви.

Горький сначала посадил её на наркоту, чтобы сговорчивее была, а потом выбросил, как расходный материал, потому что хвастаться уже было нечем. Лилька запросто могла обчистить сестру в угоду Горькому. Вот как два пальца об асфальт... И Ночка это прекрасно понимала, оттого и шумиху не подняла, чтобы сестру не позорить.

Значит, Лиля так и не избавилась от зависимости. Чёрт... Сколько ж лет-то прошло? Ей уж за сорок, кажется. Ада росла без родителей, её семьёй были две сестры: старшая – Надя, работавшая в то время в столовке при администрации, средняя – Лиля. У девочек отцы были разными, Надьке к тому времени уже вообще никто не нужен был, Лилька упивалась своими успехами, а вот Ада тянулась к отцу. Вот только у него была семья, пятеро детей и любимая жена. Он числился отцом номинально, так сказать, для галочки. Дарил дорогие подарки на праздники, вечно забывал поздравить с днем рождения и давал горы обещаний, в которых до тринадцати лет жила Ночка.

А когда мама умерла, то забрал Аду к себе. Но ненадолго. Сложно быть нагулянным ребёнком в кавказской семье с суровыми жизненными понятиями. Девочку превратили в Золушку, вот только у неё были сёстры, которые не позволили обижать младшую, а в итоге забрали совсем.

Чем дальше, тем интереснее... Надо поинтересоваться, чем живет её семья.

– Ну? И что ты думаешь? – Вера поймала в моём взгляде что-то, что её зацепило. – Скажи, Раюша. Я права? Ляшко этот её ограбил? Да?

– Вер, а давай договоримся, что ты об этом больше никому не скажешь?

– Значит, права, – она горько вздохнула. – Она такая... Такая ... Вот почему рядом с ней какой-то Ляшко, а не ты? – взгляд Верки стал злым. Она только молнии не метала, и то потому, что берегла интерьер созданного своими руками кабинета. – Скажи, Денис! Почему с ней этот придурок с мордой бульдога и мелкими пороссячьими глазками?

– А вот это мне самому очень интересно, – телефон на столе ожил, являя имя абонента, трубку от которого нужно брать всегда, даже если ты пьян или вовсе мёртв. – Да, ба Февраль.

– Милочек, а не соблаговолишь ли ты сопроводить свою родственницу на обед? А? Что думаешь?

– Я так понимаю, это не просьба?

– Нет, что ты... Разве я могу настаивать? Просто жить-то мне осталось сегодня, максимум завтра...

– Говори место, ба Хитрость.

– Причал, рыбный ресторанчик. И захвати по пути Лизоньку!? Я и с ней тысячу лет не виделась...

– Пиздец...

Глава 10

– Еду с тобой, и точка! – Вера, как ниндзя, вытянула из пучка карандаши, и волосы рассыпались шоколадными волнами по плечам. – Бабушку твою я так и не успела очаровать, она весь вечер блистала то в одной компании, то в другой. Но зато про Муратову Лизоньку наслышана вдоволь! Ох! Какой бы парой они были... Ох, они же созданы друг для друга! И умница, и красавица, и из семьи достойной. Вот скажи, она, что, прям вся такая идеальная? И твоя бабушка в неё влюблена только потому, что Муратова – бывшая балерина?

Вьюша закатила глаза и стала со скоростью света приводить себя в порядок, крутясь перед ростовым зеркалом в дубовой раме. Она одернула свободную рубашку, заправленную в драные в пикантных местах джинсы, скинула удобные балетки и выудила из-под дивана босоножки цвета горчащего французского бордо на высоченной шпильке.

– Гостевой у тебя нет, поэтому не ворчи, придётся перекантоваться у тебя в кабинете, – Веруня ещё раз взбила волосы, мазнула ягодным блеском по губам, натянула очки и затопала, предвкушая смену обстановки.

Молодость... Чтобы быть красивым, достаточно просто проснуться и расчесаться, последний пункт, кстати, вовсе не обязателен.

Перед выходом этот строгий прораб накрутил хвосты всем, наказал, что вечером лично всё проверит, и если ей не понравится, то денег никто не получит. Моя девочка...

– Вер, тебе бы в юридический. Серьезно говорю! – открыл для дамы дверь машины и помог сесть.

– Нет, спасибо, – она рассмеялась, ползая взглядом по салону в поисках компромата. – Я уже зачислена в архитектурный. Кстати, буду учиться здесь.

– Решила?

– Да, – она с твердостью качнула головой. – Сняла квартиру с видом на море, прощупала общество, вкусила свежесть бриза. Это ж наркотик чистой воды. Вроде работаешь, а все в кайф. По вечерам бегаю по набережной, по утрам сижу в кофейне и смотрю на ленивых туристов, ведущих своих сонных отпрысков на море для получения обязательной дозы витамина Д.

– Ну и от родителей подальше, да?

– Ой, какой проникательный и любопытный... Цены тебе нет, Раюша! Лучше расскажи про Адель, – Вера развернулась в кресле и вперила в меня пристальным взглядом.

– Ты не обольщайся, Вер. Это не та красивая история любви, где в итоге все сдохнут в один день. Просто отбрось иллюзии, потому что потом горько будет. Я понимаю, ты очарована ей, и есть чем, но просто выдохни, бобёр. Прошло двадцать лет, а такое реанимации не подлежит. Клиент мёртв, как бы ты ни делал ему искусственное дыхание.

– Иногда лучше строить новое, чем спасать, – Вьюник в очередной раз поразила меня четкостью мыслей, что несвойственно молодости. Там же все взрывается, горит, пылает и мельтешит обрывками здравого смысла! А у Верки все по полочкам. И конфликт с родителями она держит под контролем, не позволяя себе хлопнуть дверью в угоду бушующим гормонам, и тяга к работе у неё неумная какая-то, в отличие от типичных дочерей богатых папок. Но скорее всего, она тоже не прочь просто валяться на пляже, прикидываясь тюленем. Но таких дочурок папки быстро за шкуру хватают и отправляют под венец с теми, кого выберут сами, страшась полагаться на выбор деточки.

– Что делать будем дальше? План есть?

– Ты будешь работать и устраиваться в городе, и не станешь мыть морской песок у себя под пяточками, упасть можно. А с меня шкуру потом сдерут, Вер.

– Но ты же поддержишь?

– Вьюша, а вот скажи, каким макарон ты умудрилась столько инфы достать? Ты ж в городе новенькая!

– Говорить надо с людьми, Раюша. Говорить! Ну а ещё хвалить, безмерно льстить и комплиментами засыпать.

–Какая же ты коварная!

– Ну а если серьёзно? Кто такой Горький, и как узнать, что случилось с картинами? А ещё меня волнует вопрос, почему Ночка с ним тусуется? Ну, ведь не пара! Это как единорог и поросенок из лужи дерьма! – Вера вспыхивала, махала руками. И даже казалось, при любом удобном случае она все выскажет Аде свои претензии в лицо.

– Вер, когда нужно узнать что-то о человеке, то достаточно просто стукнуться к его врагу. И тогда при правильно выстроенной стратегии ты будешь знать, на каком боку он предпочитает спать в квартире своей пятой по счёту любовницы.

– Ну и кто у нас враг? – договорить Верка не успела, потому что нас наглым образом подрезали справа. Чёрный тонированный мерин опасно вильнул, проносясь от моего крыла всего в сантиметре. Вера не успела договорить, а я не успел среагировать вовремя, чем и воспользовалась мелкая. Она открыла окно и буквально всем корпусом вывалилась наружу, размахивая кулаками. – Ты чё там, в шары долбишься? Открой окно! Открой!

– Вера, бля! Мы не у себя дома, где и тебя, и меня каждая дворовая псина знает, – зашипел я, схватил её за пояс джинсов и силой затянул в салон. – Тебе кондёром мозги выдуло, что ли?

Мерин сбавил скорость и встал в соседнем ряду так, что машины шли тютелька в тютельку. Из-за плотной тонировки водителя не было видно, но даже дурак понял бы, что мы попали в фокус его внимания. Окно, естественно, никто не собирался опускать, но вот нервы уже осознавшей всю глупость своего поступка девчонке помотать всё же было решено.

Но, очевидно, не только ей... Спустя пару минут нас просто окружили. Взяли в квадрат из чёрных геликов.

– Ну охуеть теперь... Всего третьи сутки в городе! – я нервно дернул её, прижимая к сиденью, и чуть нагнулся, чтобы обиженный водитель смог увидеть меня. Рукой махнул в сторону и врубил правый поворотник, поджимая его съехать с трассы. – Всё, Верка. Суши носки, коси изюм.

– Денис! – она закрыла ладонями рот, но слишком поздно. Мерин вильнул и лениво прижался к обочине. А вот гелики не рассредоточились, пока я не притормозил прямо за ним, и только после этого выстроились кортежем, очевидно, готовые в любой момент встать на защиту обиженки. – Не ходи к нему! Он же больной! Видно же!

– В смысле – не ходи? – я закурил и на всякий случай нажал вызов Кондрашова. Пусть слушает на той стороне, может, если что, Верку спасти успеет. Хотя... Вот я поржу, если из тачки вывалится лысый колобок с пузом, а я уже главного прокурора, наверняка мающегося с похмелья, разбудил. Толкнул дверь почти одновременно с движением двери мерина. И замер...

– Алло... Алло... – надрывался в динамике голос Кондры. – Рай!

– Отбой, Сань, тут все свои, – заржал я и отбил вызов. – Паника отменяется, Вер. Нас самих нашли...

– Чёёёрт... – взвизгнула Вера и стала стекать по сиденью, когда из той машины вышел высокий широкоплечий брюнет. – Только не это...

– Мята не заказывали, гопота! – рыкнул я и выскочил из машины. Холёный плечистый придурок вальяжно шел навстречу, сурово ползая по мне взглядом, а когда расстояние между нами стало не более метра, здоровяк под дикий визг Верки выкинул руку вперёд и как следует дёрнул меня за локоть, прижимая сильным объятием.

– Сука, Рай! – его голос звуком ревающего боинга оглушил меня, стирая остальные звуки автотрассы.

– Мятажный! – я со всей дури хлопнул его по спине, мстя за слишком грубое приветствие. – А ты всё Растишку по утрам жрёшь?

– Смотрю, и ты нет-нет да подъедаешь, – он оттолкнулся и присел на капот, мазнув по салону, где практически на полу верещала от ужаса Вьюша.

– Отставить косить изюм! – я нырнул в открытое окно и подмигнул мелкой. – Не ссы, дорогая.

– А ты, значит, вернулся. Не пиздит толпа, значит?

Славка Мятажный медленно отвёл взгляд от моей пассажирки и вперился в меня. Он в одночасье растерял радость встречи и теперь больше походил на сканер. Знакомы мы были ещё с тех времён, когда можно было щеголять голым по пляжу, и никто на тебя не смотрел, оценивая достоинство. Но со временем сферы наших интересов сильно разошлись, я, пойдя по стопам наследия Раевских, ушел с головой в юриспруденцию, а вот Слава бросил универ сразу после второго курса и вместе с друзьями замутил своё дело. Они сначала открыли таксопарк, потом сунулись в большегрузную технику, ну а дальше больше... И вуаля! Мятажный сожрал не только всех конкурентов, но и не совсем чисто выкупил доли у друзей, превратившихся в балласт, нежели в опору и поддержку.

Про него разное говорят... Нет, там не чистый криминал, но Мятажный точно знает, где можно взять, да так, чтобы в итоге у тебя получилось раз в пять больше, и при этом тебе за это ничего не было.

Двадцать лет с людьми творят разное: кто-то спивается или становится дичайшим наркоманом, а кто-то превращается в сильного воротилу региона, без бабла которого здесь уже ничего не строится. Не потому, что деньги были только у него, неет... Просто Слава уже никому не позволял развернуться в одиночку, у него везде были нити, узелки и шнурочки, которые рано или поздно соединятся в паутину.

– А толпа просто так пиздеть не станет, – я присел рядом так, чтобы Верка не могла понять, о чем мы говорим.

– Жена?

– Кто? – я потерял ход мысли, следя за тем, как он едва заметно наблюдал за Веркой, до сих пор трясущейся на полу. – Она мне в дочери годится, Слав. И... И тебе не советую.

– Ты бы ей сказал, что у нас нельзя ручками размахивать. Кровь южная горячая, непредсказуемая, – он затаился, задумчиво следя за пролетающими мимо нас машинами. – Говори, Рай. Вижу, что есть повод потрепаться.

– На сухую о таком не говорят, Мятажный.

– Тогда зови в гости, послушаю, что ты там мне предложить можешь, – он спрыгнул с капота, пожал мне руку и пошел к своей машине, не оборачиваясь. – Цифры мои сам найдешь? Или дозвон сделать?

– А мои цифры, я так понимаю, у тебя есть, поэтому мне даже напрягаться нет смысла, – заржал я, провожая взглядом главного врага и занозу в заднице Горького. – Это что за самосвал с пряниками рассыпался у моих ног?

– Да от таких пряников обделаться можно, – Вера выползла из окна, с любопытством рассматривая, как отчаливает кортеж.

– Рано, Вера. Ты ещё с бабушкой моей не знакома...

Глава 11

Верка после встречи с Мятежным вдруг поймала молчанку. Смотрела в линию горизонта, сливающуюся с темным краем моря, кусала губы и так забавно водила бровями, будто о чем-то напряженно думала. Нет, ей не думать было несвойственно, а то усердие и унылость, что тенью накрыли её прелестное личико. Вот это было очень странно. Даже немного испугался этой её нелепой отрешенности, особенно когда она вяло осмотрела жилой комплекс «Шхуна», куда мы въехали, чтобы забрать Муратову.

Последняя вышла, когда я давал указания Вареникову, уже мчащему на такси из аэропорта в сторону офиса. Он прилетел по первому свисту, даже не стал торговаться по оплате и выклянчивать квартиру с видом на море. Чудеса... Дикое рвение к работе, ну, или типичная возможность сбежать от семьи. Наивный, можно подумать, ему тут время отдохнуть дадут. Мне уже второй день телефон обрывают потенциальные клиенты, прознавшие, что в городе открывается филиал «Титаниды».

– Все, Вареник, дергай волосы назад... Подъеду после обеда, если выживу.

Горько выдохнул, наблюдая, как в нашу сторону вышагивает Лизонька, как называет её моё семейство. А среди одноклассников её больше знают, как Лизка-подлизка. Сначала потому что она отчаянно пыталась дружить со всеми, слывя самым добрым и отзывчивым человечком, ну а в старших классах к этому всему прибавилась её неужённая тяга к поцелуям. Она перелизала всю школу на дискотеках, и к одиннадцатому классу из нецелованных остались только беззубый трудовик Михалыч и обжэшник Фёдор Семёныч, от которого несло водярой за три версты. А вот от физрука не разило, да и зубы были на месте, поэтому она умудрилась засосать и его при весьма таинственных обстоятельствах.

Лиза порхала по брусчатой дорожке, чуть ли не подпрыгивая от радости. Её лимонное платье, спадающее с одного плеча, даже не пыталось скрыть достоинства её фигуры, коварно очерчивая тонкой тканью слишком резкую для натуральной груди линию. Её бидоны зазывно покачивались от малейшего движения, коих она делала нарочно много, а ведь я ещё помнил два прыщика, стянутых корсетом, чтобы со сцены казаться ещё тоньше и невесомей.

– Здравсьте, – вдруг ожила Верка и открыла окно, чуть высовываясь наружу. – Свободные билеты только на задний ряд. Брать будете? – Лиза явно не ожидала компании, оттого и морду скосила старым пуантом с битым стеклом. – Нет? Раюша, поехали, она пешком постоит...

– Вера, угомонись, – крикнул я и перегнулся назад, чтобы открыть для бывшей однокласснице дверь. – Привет, Лизонька.

– Она своими сиськами весь салон угваздает, – зевнув, ответила Вера, настраивая солнцезащитный козырёк с зеркалом так, чтобы видеть нашу вынужденную попутчицу. Можно подумать, я в восторге от всего этого.

– Денис! – Лиза буквально впорхнула в салон и тут же утянула меня в душевные объятия с приторным ароматом горького апельсина. В носу засвербело, горло стало драть удушьем, и я поспешил поскорее отодвинуться, дабы не быть убиенным ни её руками, ни ядрёным ароматом. – Боже! Какой красавец! Ты посмотри... Раевский, давай делись, что принимаешь, что колешь, чтобы свежим таким быть? Скоро сорок, а он как огурчик...

– Я просто у бабушки в труппе не пляшу, – заржал я, ради приличия осматривая её.

Только зачем?

И так все видно... Приоткрытые губы, язык, что как сломанные дворники скользит по ровному ряду зубов, проверяя, не отпечаталась ли алая помада, разведённые колени, чтобы блеснуть кружевом белья. Все напояет... Только ценника не хватает. Но такие компенсируют прямолинейностью, проговаривая его вслух сразу после первого траха в номере ближайшего мотеля. Какая прелесть... Баба для ленивого: ни загадки, ни азарта... нихера.

– Я обожаю твои шутки! – Лиза повернулась в сторону Верки и пропустила эмоцию разочарования.

– Знакомьтесь, это Вера Вьюник, сестра моего лучшего друга. Присматриваю за ней, а то она у нас дикая, – прыснул я и ткнул Верку в бок. – Всё, едем. А то нас сожгут на костре и подадут к гарниру из овощей.

– Помолчи лучше и останови вон там, – Вера нарочно проигнорировала Лизу, а когда я притормозил у небольшого торгового центра, выскочила на улицу. – Только посмей меня тут бросить!

– Я, Вер, теперь без тебя, как без помойного ведра... – заржал, внимательно следя за тем, как она ловко лавирует среди толпы туристов, бредущих к набережной. Я вовремя успел ответить на входящий вызов, перебив Лизку, уже решившую воспользоваться моментом, чтобы поговорить по душам.

Решать вопросы на расстоянии оказалось проще простого. Ты просто орешь на всех и говоришь одну и ту же фразу: «Отчет на почту!! И я так сказал!». Вот и всё...

– А вот и я, – Вера бросила в ноги внушительных размеров коробку, а на консоль поставила два кофе. – Тебе американо со льдом, мне чай, а вам, к сожалению, я не знала, что брать. Поэтому не стала...

Сучка какая! Прикусил кончик языка, чтобы не рассмеяться. Пусть лучше жалится, чем уныло смотрит вдаль.

Доехали мы быстро, буквально свернули пару раз и уткнулись в парковку ресторана «Жена моряка», тянувшегося длинной лентой над скалистым берегом моря. Верка засуетилась, потроша коробку, а Лиза, громко фыркнув, направилась в сторону ресторана, завидев бабушку, сидящую за крайним столиком.

Моя Ба бросалась в глаза своей элегантностью за сотни метров. Прямая осанка плавные движения рук, и такой гордый профиль, что даже официанты проходили мимо, чуть согнувшись в полупоклоне. Белоснежный костюм из льна, туфли на небольшом каблучке, шелковый шарфик цвета морской волны и малюсенькая шляпка в тон, скорее подчеркивающая элегантность укладки, чем оттягивающая внимание. Эта женщина просто априори не могла не быть центром всеобщего внимания. Пуп Земли, не иначе...

– Ты что задумала, Вер? Тротил? Коктейль Молотова? Колись, что в коробке?

– Я буду очаровывать бабушку, пока ещё есть шанс избежать твоей женитьбы на Лизоньке, – она сморщила нос и принялась так реалистично изображать рвотные позывы. – Задницу твою спасаю, а то чую, что ещё пара дней, и в твоём паспорте появится одна отвратительно-грязная страничка с уродливым штампом.

– Я на блядах не женюсь. По блядам, по блядам синий поезд едет к вам...

– Слава Богу, хоть в отношении этой персоны ты трезво мыслишь, – Вера наконец-то выудила из коробки шикарную корзину белоснежных пионов, среди которых порхали белоснежные фигурки балерин. – Так, все, не сбивай меня... Мне надо настроиться.

– Точно, дикая!

– Марта Денисовна! – Вера нагло обогнала Лизку прямо на повороте и рухнула в ноги ошарашенной бабушке. – Это невероятно... Я столько о вас слышала! Столько!

Бабушка быстро сменила растерянность на улыбку зарождающегося очарования и приняла коробку с цветами.

– Вот, Раевский, учись! А то притащил мне захудалый веник из роз! – крикнула старушка, но ручку для поцелуя все же протянула. Верка шустро усадила меня на соседний с Ба стул, а сама села рядом, создавая буфер.

– Я с детства мечтала быть балериной! – продолжала млеть Верка, хлопая своими ресницами так, что море взволновалось от создаваемого ветра.

– О! Деточка, это тяжкий труд. Это сейчас в балете все условия, и пуанты не такие дубовые, как в наши времена, и бьют уже не стальным прутом...

Дальше был ещё миллион словесных комплиментов, и уже через десять минут моя бабушка только и смотрела на Верку. Вуаля... Сейф ледяного сердца вскрыт, товарищи, тащим всё, что плохо приколочено!

Мы с Лизой молча изучали меню, не решаясь нарушить их идиллию. Я – потому что не хотел мешать выстраиванию капкана вокруг старушки, а Лиза – потому что по старой привычке просто боялась разгневаться хоть и бывшего, но руководителя.

Но моё счастье длилось недолго, потому что бабушка все же вспомнила о коварной цели этого обеда.

– Лизонька недавно вернулась из Штатов, – бабушка ободряюще похлопала руку Верки, будто извиняясь за смену темы.

– О! Это было шикарно... – Лиза начала рассыпаться в восторженных возгласах. Казалось, она сейчас вспорхнет от счастья и улетит. – После живописного, но душного Нью-Йорка мы отправились в Саус Каролайна... Эни мо... Лайф там эбсолютли спокойная... меня

Девушка нарочно пропускала английский словечки, переходя на акцент, будто прожила там не пару месяцев с последним мужем, а несколько лет. Но я-то знал, что по английскому у неё была твёрдая двойка, это в аттестате ей нарисовали четвёрку, потому что Лизонька кто? Правильно! Восходящая звезда балета...

– А ты чем занимался, Денис?

– Учился, работал, лечил гонорею...

За столом повисла тяжелая тишина. Хоть ножом шинкуй, лишь мелкий тремор Верки, сдерживающей смех из последних сил, вселял надежду, что не убьют у неё на глазах. Бабушка не шевелилась, жгла мне висок напряженным взглядом и даже не моргала. Картина маслом... От напряжения даже стало казаться, что небо над морем темнеет, неся заряды грозы.

– Диарею, ты хотел сказать? – Мелкая быстро сориентировалась и, как лучший друг, пришла на выручку.

– Ты думаешь, прям лучше стало, да? – не выдержал я и всё же рассмеялся.

– Радуйся, что мы в приличном месте, клоун-переросток! – процедила бабушка, пугая непроницаемым выражением лица. А вот это уже опасненько. Идём на грани, рискуя свалиться в пропасть. А пофиг было... Я уже не шпана в трениках, жалеть рано, а шпынять уже поздно. Что выросло – то выросло.

– Ой, мне пора, Марта Денисовна, прошу прощения, – Лизонька встрепенулась, подхватила свою сумку и, дежурно приобняв бабушку, убежала вон из ресторана.

Вот и беги, деточка. Бабулька явно была настроена на сражение, а в таких обстоятельствах и зацепить может.

– Доволен, щенок? – цыкнула Ба и вдруг вздрогнула, смотря куда-то мне за плечо. Взгляд её стал темнее тучи, а веки задрожали, являя мелкую паутину морщин.

– Ага, – я смаковал свежайшую рыбку и жмурился от удовольствия. – Ба, и давай договоримся. Верка – несостоявшийся медик, мы всем составом с ней к вступительным готовились, поэтому у меня на вооружении миллион болячек, которые уже сложно будет прикрыть простым человеческим поносом. Мой стоп-кран давно сорван, а терпение на пределе. Пока тебя спасают только моя любовь и безмерное уважение. Ты ж моя родненькая бабушка, – я рассмеялся, взял её трясущуюся от гнева руку и смачно чмокнул в пальцы, униженные перстнями. – Но если ты ещё раз попытаешься влезть в мою жизнь, то потом не серчай. Сама же сказала, что я клоун. Вот и поступки у меня будут соответствующие. Андестенд? Я, конечно, донд жил в Саус Каролайна, но жизнь хлебнул, чтобы понять, вот ду ю вонт, май свитти грэндма.

Отодвинул тарелку и стал блуждать взглядом по открытой террасе. Из головы все никак не выходила странная реакция бабушки. Сам того не понимая, искал персону, что так сильно омрачила старушку, пока не наткнулся на завесу чёрных волос, развеваемых ветром.

Ночка...

Искал внутреннее удивления, но не тут-то было. Ощущал лишь ликование, что фортуна, притащившая меня в город детства, до сих пор на моей стороне, оттого и сталкивает нас лбами ежедневно. А ведь правда... Каждый день, проведённый здесь, я встречаю Адель. Меняются места, компании, время суток... Но моя Ночка всё время ходит рядом, сама того не понимая, что спираль всё теснее прижимает её ко мне.

Ночка сидела в компании подруг и что-то весело рассказывала, активно жестикулируя руками. Её звонкий смех ласкал слух, даруя непривычное, но приятное ощущение покоя. При этом вид у нее был странный... Каждый раз встречаясь с ней, я будто на всей скорости врезался в толщу безжизненного льда, щедро приправленного ядрёной ненавистью двадцатилетней выдержки. Но только этих искр было недостаточно, чтобы растопить холод. А сейчас... Сейчас она искрилась. Как уголек, на который попадают морские брызги. И улыбка у неё была такая живая, а не отрепетированная до машинальности жеста.

Ада выглядела иначе. Белые свободные шорты, открывающие красоту ног, игривая футболка, больше похожая на тельняшку, и волосы, струящиеся мягкими волнами. В ней не было строгости. Ни капли... И профиль её вновь толкал меня в детские воспоминания моей перепачканной краской Адки.

– А тебя жизнь ничему не учит, да? – внезапно рассмеялась бабушка и поднялась из-за стола. – На блядей так и тянет? Она тебе не ровня! Где ты, и где сестра городской потаскушки? Когда ты это уже поймёшь?

Голос её был достаточно звонким, чтобы быть услышанным. Она будто нарочно делала это, чтобы привлечь внимание той, кому и были адресованы едкие слова. И они достигли адресата...

Ночка напряглась, румянец с её лица ветром сдуло, а руки опустились под стол, смыкаясь в замок. Наблюдал за ней вполоборота, ожидая, что повернется. Но нет... Она вновь превратилась в статую, активно выстраивая ледяную стену, от которой веяло смертельным холодом.

Вроде похолодало, а внутри будто лампадка зажглась. Такая едкая, чадающая чёрным дымом гнева. Смотрел в бесцветные глаза бабушки и искал сожаление. Но нет... И там тоже был знакомый холод пренебрежения. Она всем своим видом показывала отвращение и нежелание находиться с Ночкой в одном помещении. Ждала, что поддержу, что встану следом... Но поздно. Пламя-то уже пылает, обратного пути нет. И не я встал на тропу войны...

– А тебя, Ба, тоже жизнь не учит? – закурил, давая понять, что бежать за её обиженным эго не намерен. Люблю? Безумно! Но марионеткой никогда не стану, даже в родных, выныривших меня с детства руках. – Не научилась отличать нормальных девушек от блядин, днём танцующих на сцене, так самозабвенно изображающих покорность и смиренность во имя искусства, а ночью сверкающих пилоткой в дешевом стриптиз-клубе, изумляя искушенного зрителя гибкостью разбитого тела.

– Что ты несёшь? – вспыхнула бабушка и покачнулась, как от пощечины. К нашему столу стали все чаще оборачиваться, а я все ждал, когда утону в чёрной мгле Её глаз.

– Знаешь, почему Муратова уволилась из театра и так поспешно вышла замуж? Её же даже твои уговоры не остановили, она бежала из города, как овца побитая. Кто он там у неё был? Столичный режиссёр, кажется? Потому что его жена застала их сношающимися за кулисами театра. А твоя Лизонька уже к тому времени была беременна. Па-па-ра-па-па... Ну? Мне её догнать? Или ты уже не настроена организовать свадьбу с эскортницей?

– Ты лжешь... Скажи, что ты лжешь...

– И не подумаю, – я сбавил тон, чтобы никто не мог услышать. – Очень удобно видеть только то, что хочется, да? Замечать минусы в людях и раздувать их до уровня катастрофы, или вовсе приписывать им то, что не является истиной, а потом делать так, чтобы все до единого поверили твоему авторитетному слову. Как интересно разносить сплетни, сталкивая всех лбами, прекрасно зная, что за решением все прибегут к тебе, бабуленька. Правда? Нерушимая, честная Марта Раевская! Без неё в городе ничего не происходит. Без тебя хоть одна пара вообще посмела влюбиться? А свечку в брачную ночь держала? Но нееет... Мы не видим, как твои любимые балеринки внезапно начинают приезжать в театр на такси, стирают пыль гриммерных ворсом шуб и цокают по дырявому полу итальянскими сапожками. Так? Или ты просто не хотела этого видеть? Дак вот... Я начинаю сильно подозревать тебя, бабуленька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.